

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

(Программа совещания и тезисы докладов)

24–27 января 1961 года

МОСКВА

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

КООРДИНАЦИОННОЕ СОВЕЩАНИЕ
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

(Программа совещания и тезисы докладов)

24—27 января 1961 года

МОСКВА

A00906

Тираж 500

Зак. 2477

Типография Издательства восточной литературы АН СССР
Москва, Б. Кисельный пер., 4

**ПРОГРАММА
КООРДИНАЦИОННОГО СОВЕЩАНИЯ
ПО АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ
СОВЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ**

(24—27 января 1961 г.)

**Первый день работы совещания —
24 января 1961 г.**

**ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
(Утро и вечер)**

- 1) Вступительное слово Председателя Объединенного Научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения академика Е. М. Жукова.
- 2) Состояние и основные задачи советского славяноведения и вопросы координации славистических исследований:
 - а) Доклад директора Института славяноведения АН СССР И. И. Уdal'цова.
 - б) Сообщения представителей отделений общественных наук академий наук союзных республик, университетов, институтов АН СССР.
- 3) О подготовке к V Международному съезду славистов. Доклад председателя Советского комитета славистов академика В. В. Виноградова.
- 4) О выпуске литературы и библиографических изданий по вопросам истории, истории культуры и языкам зарубежных славянских народов (сообщения издательств и библиотек).
- 5) Разработка государственными архивами СССР документальных материалов по истории и истории культуры зарубежных славянских народов (сообщение ГАУ при Совете Министров СССР).

**Второй день работы совещания —
25 января.**

**МЕЖСЕКЦИОННОЕ ЗАСЕДАНИЕ
(Утро)**

1) Основные направления и вопросы координации в исследовании проблемы «Строительство социализма и социалистической культуры в славянских странах народной демократии». Докладчик — заместитель директора Института славяноведения к. и. н. И. А. Хренов.

2) Основные направления и вопросы координации в исследовании проблемы «Генезис капитализма, национально-освободительное движение, формирование национальной культуры у южных и западных славян». Доклад заведующего сектором Института славяноведения д. и. н. С. А. Никитина.

3) «Об организации исследовательской работы по истории славяно-германских отношений в связи с борьбой против идеологии западногерманского реваншизма». Доклад старшего научного сотрудника Института славяноведения к. и. н. В. Д. Королюка.

Второй день (25 января) — вечернее заседание.

Третий день (26 января) — утреннее и вечернее заседания.

Четвертый день (27 января) — утреннее заседание.

РАБОТА СЕКЦИЙ

а) Историческая секция

1) Историография проблемы «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на формирование национальных государств и развертывание революционного движения в зарубежных славянских странах». Докладчик — старший научный сотрудник Института славяноведения к. и. н. А. Я. Манусевич.

2) Об исследовании проблемы «Совместная борьба трудящихся зарубежных славянских стран против фашиз-

ма в годы второй мировой войны». Докладчик — заведующий сектором Института славяноведения к. и. н. Л. Б. Валев.

3) Русско-польские революционные связи до 1917 г. Состояние и задачи изучения проблемы. Доклад руководителя группы Института славяноведения к. и. н. И. С. Миллера.

4) Объяснение некоторых понятий русских раннефеодальных памятников терминами из других славянских и неславянских источников. Доклад академика М. Н. Тихомирова (Институт славяноведения АН СССР).

5) Некоторые спорные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период. Доклад старшего научного сотрудника Института славяноведения к. и. н. В. Д. Королюка.

б) Секция литературоведения и фольклористики

1) Главные проблемы изучения в Советском Союзе литературы зарубежных славянских народов. Доклад академика А. И. Белецкого (Киев).

2) Проблемы изучения социалистического реализма в зарубежных славянских литературах. Доклад руководителя группы Института славяноведения д. ф. н. Д. Ф. Маркова.

3) Задачи славянской фольклористики. Доклад старшего научного сотрудника Института славяноведения д. ф. н. Н. И. Кравцова.

в) Лингвистическая секция

1) Основные задачи изучения в СССР языков южных и западных славян. Доклад научного сотрудника Института славяноведения к. ф. н. Н. И. Толстого.

2) Некоторые проблемы сравнительной грамматики славянских языков. Доклад заведующего сектором Института славяноведения д. ф. н. С. Б. Бернштейна.

3) Об общеславянском лингвистическом атласе (проблематика, организация работы). Доклад члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова.

4) Основные задачи этимологических исследований в области славянских языков. Доклад научного сотрудника Института славяноведения к. ф. н. О. Н. Трубачева.

5) К проблеме балто-славянских языковых отношений. Доклад зав. сектором Института славяноведения славянских языков. Доклады зав. сектором Института к. ф. н. В. Н. Топорова.

6) Задачи структурно-типологического исследования славяноведения к. ф. н. В. Н. Топорова и зав. сектором Института русского языка АН СССР к. ф. н. С. К. Шаумяна.

7) О славяно-румынских языковых связях. Доклад к. ф. н. М. Ф. Станивского (Черновцы).

**Четвертый день (27 января) —
вечернее заседание.**

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

1) Информация руководителей секций об итогах работы секций.

2) Принятие решения.

3) Заключительное выступление Председателя Объединенного Научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения академика Е. М. Жукова.

РЕГЛАМЕНТ РАБОТЫ СОВЕЩАНИЯ

Начало пленарных заседаний 24 января
утреннего — 9. 30,
вечернего — 15. 30.

Начало пленарного заседания 27 января — 16. 00.

Начало межсекционного заседания 25 января — 9. 30.

Начало секционных заседаний — 9. 30.

Продолжительность докладов 30—40 минут.

Продолжительность сообщений 15—20 минут.

Продолжительность выступлений 10—15 минут.

* * *

Пленарные заседания проводятся в большом зале Центрального дома литераторов (ул. Герцена, дом 53 — у площади Восстания, троллейбусы № 5, 8, метро — ст. «Краснопресненская», автобусы № 6, 39).

Межсекционное заседание проводится в Институте славяноведения АН СССР (Трубниковский пер., 30-а).

Секционные заседания проводятся:

Историческая секция — Институт славяноведения АН СССР.

Секция литературоведения и фольклористики — Институт мировой литературы АН СССР, конференц-зал, 2-й этаж (ул. Воровского, 25-а).

Лингвистическая секция — конференц-зал Института государства и права АН СССР (ул. Фрунзе, 10).

Секретариат совещания размещается в Институте славяноведения АН СССР.

Телефоны К 5-08-00
Б 1-27-40

C. A. Никитин

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ВОПРОСЫ КООРДИНАЦИИ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ «ГЕНЕЗИС КАПИТАЛИЗ- МА, НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ, ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ У ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН»

1) Изучение общих закономерностей и конкретных форм развития и падения капитализма в отдельных странах, в том числе и славянских, требует исследования не только развития капитализма, но и генезиса его, так как в особенностях формирования капиталистических отношений в отдельных странах кроются многие характерные для его последующего развития черты.

2) Труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина выяснили основные закономерности процесса образования буржуазного общества, когда происходило складывание людей в нации. В южнославянских и западнославянских странах, находившихся под инонациональным гнетом, процесс становления наций неразрывно связан с национальным движением, национально-освободительной борьбой. Изучение процесса складывания буржуазного общества в славянских странах, процесса формирования его основных классов — буржуазии и пролетариата, разорения городских ремесленников и обезземеления крестьян, происшедшего в условиях национального гнета, имевшего различные формы проявления, а также сопротивления этому гнету со стороны разных социальных групп славянских народов не может быть осуществлено без широкого и разностороннего исследования истории национального движения.

3) Одной из многих форм национальной борьбы в славянских странах была борьба за национальное просвещение, за национальную культуру, которая рождалась в своеобразных для каждого народа условиях внутренних

отношений и внешних воздействий. Подлинное научное изучение процесса складывания национальной культуры не может отрывать историю культурного развития от истории национального движения в данной стране.

4) Наряду с исследованием социально-экономических процессов и национально-освободительной борьбы славян перед советской наукой стоят важные задачи по изучению идеологических процессов, сопутствовавших развитию капитализма и национального движения. Среди вопросов, подлежащих изучению, можно назвать: особенности идеологического развития в порабощенных странах, в частности в странах, где отсутствовало или было денационализировано дворянство; формирование, этапы развития, эволюция либерально-буржуазных и революционно-демократических (радикально-демократических — Чехия) течений; идеологические течения, связанные с ранними стадиями развития рабочего движения, идеи утопического социализма в славянских странах, а также проникновение в эти страны марксизма.

Требует изучения вопрос о роли литературы, фольклора и искусства в формировании национального самосознания; отражение в содержании и в форме литературного развития своеобразия общественно-исторического опыта народа; сходство и отличие литературного процесса у западных и южных славян (и тенденций классицизма, романтизма) по сравнению с развитием других европейских литератур (русской, немецкой, французской, итальянской).

5) Одним из требующих изучения вопросов является вопрос о складывании национальных литературных языков. Процесс этот протекал у разных народов неодинаково. Задачей исследования должно являться как выяснение языкового существа процесса, так и общественных условий его.

6) Изучение национальных движений давно велось буржуазной наукой славянских стран, накопившей значительный фактический материал. Но национальное движение рассматривалось буржуазными учеными в отрыве от исследования процессов возникновения капиталистической общественно-экономической формации. В последние годы марксистская историография славянских стран поставила и частично разъяснила ряд не изученных до того вопросов, однако сделано еще недостаточно.

7) Недостаточная изученность социально-экономического развития славянских стран приводит к неясности в определении и характеристике ряда основных явлений. Пример: спор о чорбаджийстве, об аграрных отношениях в Болгарии, неясности в степени развития мануфактуры в Хорватии, разногласия по вопросу об участии отдельных классов в социально-национальной борьбе — отсюда споры о классовой природе идеологии Раковского, Каравелова, расхождения в оценке роли радикальных демократов в Чехии и др.

8) Помимо пересмотра уже изучавшихся в буржуазной литературе отдельных составных элементов проблемы на основе марксистско-ленинской методологии, необходимо направление усилий на исследование вопросов, не подвергавшихся изучению или недостаточно разъясненных, и введение в оборот еще не использованного архивного материала, имеющегося как в хранилищах славянских стран, так и в архивах СССР.

9) Изучение проблемы следует вести в хронологических пределах, определяемых следующими соображениями. Важнейшей основой образования буржуазного общества являлась экспроприация крестьян и сосредоточение земли, скота и других средств производства в руках сельской буржуазии, на другом полюсе — складывание сельского пролетариата и полупролетариата (парцеллированное крестьянство). В то же время разложение ремесла и возникновение мануфактуры с наемным трудом было первым крупным шагом в деле образования капиталистического производства. Но только победа машинного производства и складывание промышленной буржуазии и промышленного пролетариата завершают процесс формирования капитализма и складывания буржуазного общества. Ввиду того что в разных славянских странах эти процессы протекают несинхронно и некоторые страны (Черногория, Македония) чрезвычайно отстают во времени от более развитых стран (Чехия), хронологические рамки темы не могут быть едиными для всех стран. В основе должен лежать не формально хронологический, а формационный принцип.

10) Хотя общепринято считать объектом изучения советских историков-славистов историю народов четырех современных зарубежных стран и славянской области ГДР — области лужицких сербов, вокруг данной работы

целесообразно объединить более широкий круг исследователей. Поскольку такие области Советского Союза, как Западная Украина, Белоруссия, Литва, Закарпатье, Буковина, развивались в период, охватываемый данной проблемой, в связи с другими славянскими областями, находившимися вне пределов нашей родины, постольку к исследованию данной проблемы следует привлекать материалы, характеризующие экономическое и социальное развитие этих областей в период становления капиталистических отношений.

11) Целесообразно так организовать усилия всех сторон, участвующих в изучении проблемы, чтобы внимание было направлено на основные проблемы и работа велась как коллективная исследовательская работа, идущая на основе единого общего плана. Учет наличных ресурсов архивного материала в пределах СССР указывает наиболее целесообразные направления работы. Ими являются изучение истории национального движения, история идеологии, русско-славянские связи.

12) Работа историков-славистов Советского Союза по этой проблеме должна координироваться из одного центра, каким мог бы быть Институт славяноведения, и опираться на другие научные учреждения и учебные заведения, которые стали бы участвовать в разработке проблемы.

13) По проблеме следует регулярно созывать сессии или конференции как в Москве, так и в тех городах, где в разработке этой проблемы будут достигнуты наибольшие результаты.

14) Результаты исследовательской работы могли бы публиковаться в виде периодически выходящих сборников, а также отдельных книг (монографий) как в Институте славяноведения, так и в других учреждениях.

*А. Я. Манусевич, М. А. Бирман,
А. Х. Клеванский*

ВЛИЯНИЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ И РАЗВЕРТЫВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

(Историография проблемы и задачи ее изучения)

1. Победа Великой Октябрьской социалистической революции обусловила возможность создания Польского, Чехословацкого, Югославского государств. Революция способствовала бурному подъему борьбы польского, чешского, словацкого, болгарского, югославянских народов за свое социальное освобождение и привела к формированию коммунистических партий в зарубежных странах. Влияние Октябрьской революции на все стороны развития зарубежных славянских народов оказалось тем более значительным, что в экономическом и политическом положении трудящихся зарубежных славянских стран было многое черт, близких к условиям экономического и политического положения трудящихся России и как перед теми, так и перед другими объективно стояли сходные в основных чертах задачи; что издавна сложились и продолжали крепнуть и развиваться боевые революционные связи между рабочим классом России и рабочим классом зарубежных славянских стран; что зарубежные славянские народы находятся в непосредственном соседстве или территориально весьма близки к родине Октябрьской революции — России; что, наконец, многие тысячи польских, чешских, болгарских, югославянских и других трудящихся, которых первая мировая война привела на территорию России, приняли деятельное и непосредственное участие в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России, а затем перенесли приобретенный ими революционный опыт в свои страны.

2. Проблема влияния Великой Октябрьской социалистической революции на зарубежные славянские страны является обширной и разносторонней. Исключительно велико научное и политическое значение проблемы в целом и всех ее аспектов, ее роль в деле интернационального воспитания трудящихся и раскрытия всемирно-исторического значения Октябрьской революции.

3. В силу общеизвестных обстоятельств политического характера в историографии зарубежных славянских стран вплоть до установления в этих странах народной власти господствовали буржуазно-националистические и право-социалистические идеи. Буржуазная и правосоциалистическая литература не только не пыталась раскрыть влияние Октябрьской революции на образование зарубежных славянских государств и последующее развитие зарубежных славянских народов, но занималась фальсификацией истории в соответствии с интересами господствовавших классов и требованиями западных империалистов. Октябрьская революция, политика Советской власти, деятельность революционных сил в зарубежных славянских странах излагались в извращенном, клеветническом духе. Марксистская мысль подавлялась и была лишена условий для свободного развития.

4. Советская историческая наука уже в первые годы своего существования ставила ряд вопросов, связанных с влиянием Октябрьской революции на зарубежные славянские страны. Однако как сама постановка вопросов, так и их разрешение носили в целом весьма общий характер. Более глубокое изучение проблемы в СССР началось после Великой Отечественной войны и установления народной власти в зарубежных славянских странах. Решение принципиальных вопросов проблемы и частичное их раскрытие на вновь введенном в оборот материале нашло отражение в вышедших в последние годы обобщающих трудах Института славяноведения по истории Болгарии, Польши и Чехословакии и в ряде монографий. Но ни в этих трудах, ни в многочисленных работах по отдельным вопросам проблемы, вышедших за последние годы, еще не раскрыто сколько-нибудь полно все содержание этой большой и многосторонней проблемы.

5. После установления народной власти в зарубежных славянских странах началось интенсивное развитие марксистской историографии, широко использовавшей дости-

жения советской исторической науки. Проблема влияния Октябрьской революции заняла одно из центральных мест в современной исторической науке зарубежных славянских стран. Ей посвящен ряд крупных документальных публикаций и монографий, многочисленные исследовательские статьи и научно-популярные работы. Предшествовавшие научные исследования и накопление значительного фактического материала позволили ознаменовать 40-летие Октябрьской революции опубликованием ряда работ, отражающих влияние революции на образование зарубежных славянских государств и на подъем в них революционного движения.

6. Сопоставление степени изученности проблемы в отдельных зарубежных славянских странах показывает существование специфических для каждой страны условий, определивших как частную тематику, ширину и глубину изучения, так и темпы исследования проблемы. В зарубежной славянской историографии еще недостаточно разоблачены фальсификации буржуазной, правосоциалистической и современной ревизионистской историографии, посвященной роли Октябрьской революции в истории зарубежных славянских стран; также недостаточно раскрыт антинациональный характер антисоветской политики, проводившейся правящими классами в зарубежных славянских странах до установления в них народной власти; требует дальнейшего изучения влияние Октябрьской революции на идеино-политическое развитие рабочего класса и всех трудящихся; не изучено соотношение между развитием революционной ситуации в ряде зарубежных славянских стран и ходом борьбы советского народа против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Нуждается в дальнейшем изучении помочь зарубежных славянских народов советскому народу в его борьбе против внешних и внутренних врагов. Совершенно не изучено влияние революции на развитие национальной культуры и формирование в ее рамках в условиях буржуазно-помещичьего господства элементов новой, социалистической культуры. Недостаточно изучены вопросы влияния Октябрьской революции на формы и методы революционного движения в зарубежных славянских странах, на освоение опыта русской революции. Лишь начато изучение влияния Октябрьской революции на крестьянское движение, на армию, на профсоюзные и молодежные организации, на интеллиген-

цию в зарубежных славянских странах; не изучено влияние Октябрьской революции на международное положение зарубежных славянских стран и на решение западными державами вопросов, касающихся славянских стран, и т. д. и т. п.

7. Перед советскими славистами, как и перед марксистской историографией в зарубежных славянских странах, стоят, таким образом, еще многие нерешенные задачи по изучению проблемы.

В целях более глубокого, документально обоснованного раскрытия роли Октябрьской революции в образовании зарубежных славянских государств необходимо продолжить и расширить изучение влияния трудов В. И. Ленина, его советов деятелям славянских стран, документов КПСС и Коминтерна на утверждение марксистско-ленинской идеологии в этих странах, на образование и развитие коммунистических партий; полнее и всестороннее осветить деятельность Советской власти, направленную на утверждение свободы и независимости зарубежных славянских народов; исследовать влияние политики Советского государства на дипломатию западных держав в вопросах, касавшихся образования и развития зарубежных славянских государств.

Доступные советским исследователям материалы позволяют продолжить изучение ряда аспектов влияния Октябрьской революции на борьбу классов и партий в зарубежных славянских государствах, на подъем в них революционного движения.

Особая ответственность ложится на советских историков в вопросах изучения участия зарубежных интернационалистов в борьбе за победу и утверждение Советской власти в России.

8. Институт славяноведения, поставив своей задачей разработку этой последней темы к 50-летию Октябрьской революции, считает, что имеющиеся на местах неиспользованные архивные материалы создают исключительно благоприятные условия для развертывания самого широкого изучения темы. Это позволило бы совместными усилиями сотрудников института и других научных работников в ближайшие несколько лет воссоздать более или менее полную картину вклада зарубежных славянских интернационалистов в борьбу за победу социалистической революции и утверждение Советской власти в России.

Исследование этой темы требует установления численности находившихся в России трудящихся из зарубежных славянских стран, изучения их деятельности, имевшихся у них политических организаций, выявления их связей с большевистской партией; изучения деятельности иностранных групп РКП(б) и федерации иностранных групп, изданий интернационалистов, участия интернационалистов в действиях Красной Армии, в строительстве советского государственного аппарата и т. д. Таким образом, даже один лишь элемент проблемы Октябрьской революции — вопрос об интернационалистиках — распадается на большое число тем, требующих для своего решения внимания, участия и координированных усилий широкого круга славистов.

9. Проблема влияния Октябрьской революции представляется исключительно обширной и многосторонней. Обилие обеспечивающих раскрытие этой темы материалов в центральных и местных государственных и партийных архивах, в центральной и местной печати позволяет развернуть широкий фронт исследований с участием многих специалистов. Эти исследования позволят приблизиться к решению ответственных научных и политических задач. Планирование и координирование изучения проблемы могут обеспечить наибольшую эффективность затрачиваемых усилий.

*Л. Б. Валев, В. С. Парсаданова,
Г. М. Славин, Н. А. Шленова*

**ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМЫ: «СОВМЕСТНАЯ БОРЬБА
ТРУДЯЩИХСЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ СТРАН
ПРОТИВ ФАШИЗМА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ»**

I. Особая актуальность изучения истории совместной борьбы трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны, перекликающейся с борьбой народов в наши дни за предотвращение угрозы новой войны, против возрождения агрессивного германского империализма, за мир и демократию. Важнейшие задачи в изучении проблемы: разоблачение империализма, милитаризма и фашизма, их политики в отношении славянских и других народов; раскрытие сущности и характера второй мировой войны на различных ее этапах, роли в ней славянских народов, исторической закономерности поражения агрессивных империалистических сил, в частности германского империализма, решающей роли Советского Союза в его разгроме; показ внутренних сил, борьба которых позволила порабощенным славянским народам сбросить фашистское и империалистическое иго и пойти по пути строительства социализма; анализ закономерностей социальных и политических изменений, произошедших в послевоенном мире и, в частности, в зарубежных славянских странах в итоге победы над фашизмом. Значение правильного освещения и разработки указанной проблемы еще более возрастает в связи с попытками буржуазно-империалистических фальсификаторов использовать историю второй мировой войны для обоснования политики «холодной войны» и подготовки новой агрессии, а также в связи со стремлением толковать события этого периода в духе ревизионистской программы СКЮ, искающей историческую правду и льющей воду на мельницу империалистических агрессоров.

II. Марксистско-ленинская постановка ряда связанных с данной проблемой принципиальных вопросов дана в партийных документах, выступлениях и статьях руководящих деятелей КПСС, коммунистических и рабочих партий зарубежных славянских стран в ходе войны и в первые послевоенные годы. Статьи и брошюры историков, выступавших в этот период с трактовкой отдельных сторон или общих аспектов проблемы, имели популяризаторский и публицистический характер. Причины слабой научной разработки данной проблемы в исторических трудах в первый послевоенный период: слабость и неупорядоченность источниковедческой базы, малочисленность тогдашних кадров советских историков-славистов и историков-марксистов в зарубежных славянских странах. Преодоление этих недостатков на протяжении последнего десятилетия и особенно в последние годы. Важную роль в повороте историков к исследованию проблем новейшей истории сыграли решения XX и XXI съездов КПСС, съездов коммунистических и рабочих партий зарубежных славянских стран, а также проведенные в этих странах исторические дискуссии и конференции.

III. Общая разработка этой проблемы дана в обобщающих трудах по истории зарубежных славянских стран, выпущенных в 1955—1960 гг. Институтом славяноведения АН СССР и некоторыми другими коллективами. В последние годы значительно расширен круг вопросов, связанных с участием трудящихся зарубежных славянских стран в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны, на изучении которых сосредоточено внимание историков-марксистов в Советском Союзе и за рубежом. Основные линии, по которым шла разработка данной проблематики в последние годы: 1) изучение движения сопротивления и вооруженной борьбы трудящихся зарубежных славянских стран против немецко-фашистских оккупантов и их приспешников, а также истории деятельности в этот период коммунистических и рабочих партий, являвшихся организующей и направляющей силой национально-освободительного фронта борьбы против фашизма; 2) изучение вопросов военного сотрудничества народов славянских стран в борьбе против немецко-фашистских захватчиков; 3) изучение вопросов социально-экономического положения трудящихся зарубежных славянских стран под немецко-фашистским игом и гитлеровским оккупационным режимом; 4) между-

народное положение и внешняя политика зарубежных славянских стран в период второй мировой войны. Основной недостаток почти всех вышедших работ — отсутствие в них достаточно четких и обоснованных теоретических обобщений и характеристик процессов, происходивших в период народно-освободительной антифашистской борьбы и подготовивших народно-демократическую революцию. Очевидна важность такого осмыслиения фактического материала для более обоснованной характеристики и определения характера народно-демократической революции.

В советской литературе вопросы совместной борьбы советского и югославского народов против германского империализма в рассматриваемый период разработаны недостаточно. В то же время налицо принципиальное расхождение взглядов ряда авторов вышедших в Югославии исследований со взглядами советских историков и историков стран народной демократии по многим более или менее значительным вопросам проблемы. Соответственно перед советскими историками стоит задача систематического разоблачения появляющихся в Югославии фальсификаций истории второй мировой войны.

IV. Тематика и направление исследований по данной проблеме, предпринятых в настоящее время. Темы, включенные в семилетний план Института славяноведения АН СССР, а также в планы других славяноведческих учреждений СССР. Отсутствие систематического контакта и координации планов научных исследований, проводимых различными славистическими учреждениями и отдельными историками-славистами, — серьезный недостаток в этой работе.

V. Важнейшие задачи в научной разработке проблемы совместной борьбы трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны:

1. Создание истории боевого содружества народов славянских стран в годы минувшей войны.

2. Более полное отображение исторической роли СССР в освобождении народов Польши, Чехословакии, Болгарии и Югославии и победе народной революции в этих странах, отношений между СССР и этими странами в годы войны.

3. Раскрытие внутренних процессов, которые подготовили победу народно-демократической революции в славянских странах, расстановки классовых сил, процесса

создания и укрепления союза рабочего класса и крестьянства. Изучение предпосылок установления народно-демократического строя.

4. Более широкое и глубокое изучение и анализ деятельности коммунистических и рабочих партий по руководству национально-освободительной антифашистской борьбой, роста их влияния на массы в процессе этой борьбы и ходе народно-демократической революции.

5. Показ реакционной роли сил, противодействовавших революционному лагерю.

6. Более глубокая теоретическая разработка важнейших проблем рассматриваемого периода, подготовка фундаментальных обобщающих работ.

7. Усиление внимания к югославской проблематике.

8. Усиление научной критики и разоблачение фальсификаций буржуазных историков и публицистов, в том числе из лагеря буржуазной эмиграции, а также ревизионистов всех мастей по вопросам истории борьбы славянских народов в годы второй мировой войны.

9. Расширение источниковедческой базы и публикация документов, отображающих освободительную роль Советского Союза в отношении зарубежных славянских стран.

VI. Целесообразные формы сотрудничества научных учреждений и вузов, разрабатывающих вопросы совместной борьбы трудящихся зарубежных славянских стран против фашизма в годы второй мировой войны и координации их работы по этим вопросам: разработка общего плана исследования проблемы; взаимная информация о ходе и результатах работы; периодические обсуждения важнейших вопросов проблемы и наиболее важных подготовленных работ на конференциях и совещаниях в Москве, Киеве и других городах, где работа по этой проблеме будет вестись наиболее интенсивно. Сектор новейшей истории Института славяноведения мог бы взять на себя координацию этой работы.

И. С. Миллер

**РУССКО-ПОЛЬСКИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СВЯЗИ
ДО 1917 года
(составление и задачи изучения)**

1). Для марксистской исторической науки центральным вопросом всегда является история борьбы трудящихся масс, революционного и национально-освободительного движения. Для советского славяноведения одним из основных его направлений является изучение истории отношений между народами нашей страны и зарубежными славянскими народами. Оба эти основных аспекта для периода до 1917 года воплощены в проблематике российско-славянских революционных связей.

2) Исторически обусловленная интенсивность русско-польских отношений особенно усилилась с конца XVIII века. Русско-польские революционные связи XIX и начала XX века столь значительны и сильны, им принадлежит такое большое место в истории Польши и в нашей отечественной истории, они имеют и сегодня такое идеино-воспитательное значение, что изучение их должно рассматриваться как задача первостепенной научной и общественно-политической значимости, как действенный вклад в укрепление советско-польской дружбы.

3) Разработка проблем истории русско-польских революционных связей — общее дело советских и польских историков-марксистов, и ведется она нами сообща. Однако и политическая значимость этой тематики, и чисто практические соображения (наличие основной документальной базы у нас) требуют от советских историков значительного расширения исследовательской и публикаторской работы в этой области.

4) Результаты уже осуществленных исследований велики, но разработка отдельных вопросов и даже периодов истории русско-польских революционных связей весьма неравномерна.

5) Особенностью истории русско-польских революционных связей, отражающей их органическую связь с развитием революционного движения в России, является то, что к ним в полной мере приложима ленинская периодизация истории русского революционного движения.

6) Значительны результаты исследования русско-польских революционных связей этапа дворянской революционности (до 40-х гг. XIX в.), в особенности разработки проблемы «Декабристы и Польша». Многообещающие первые итоги дает изучение проблематики революционных связей конца 30-х — начала 40-х гг. на территории Литвы и Белоруссии, а также Галиции. Однако и в этих областях остается еще многое сделать. Вместе с тем ряд проблем этого периода еще совершенно не затронут исследованием. Таков весь круг вопросов, относящихся к концу XVIII и началу XIX в., и, в частности, русское, украинское и т. д. общественное мнение о разделах Польши, о польском национально-освободительном движении этого времени. Недостаточно изучено значение восстания 1830—1831 гг. в истории революционных связей и развития революционного движения в России.

7) Подавляющее большинство работ о русско-польских революционных связях этапа революционно-демократического подъема и народничества (50—80-е гг. XIX в.) сосредоточено вокруг вопросов русско-польских связей времени первой русской революционной ситуации и восстания 1863 г. И в этой области, несмотря на проделанную большую работу, остается еще немало задач. Неудовлетворительно состояние изучения русско-польских революционных связей 70—80-х годов.

8) Третий этап развития русско-польских революционных связей — пролетарский этап (от 80-х гг. XIX в. до Октябрьской революции), характеризующийся теснейшей взаимосвязью русского и польского рабочего движения, не получил еще должного освещения. Основная работа здесь была сосредоточена на истории первой русской революции 1905—1907 гг. И предшествующий ей период 90-х — начала 900-х годов, и десятилетие 1907—1917 гг. изучались крайне фрагментарно. До сих пор не создана монография «Ленин и польское революционное и национально-освободительное движение».

9) Отмечая имеющиеся уже успехи в области изучения русско-польских революционных связей, мы должны

наметить направления и задачи дальнейшей работы и координации в этой области. Конкретные условия работы позволяют организовать ее и успешно вести во многих научных центрах нашей страны — не только в Москве, Ленинграде, Киеве, Львове, Минске, Вильнюсе, но и в ряде областных городов, где находятся архивные фонды, подчас весьма ценные для рассматриваемой нами тематики.

10) Ведущаяся в настоящее время Институтом славяноведения АН СССР совместно с институтами истории академий наук УССР, БССР и Литовской ССР, Главным архивным управлением и значительным числом архивов большая работа по подготовке публикации о восстании 1863 г. и русско-польских революционных связях 60-х годов может стать отправным пунктом для дальнейшей совместной и координированной работы во всей широкой области русско-польских революционных связей. Опыт работы над этой публикацией и установленные в связи с ней контакты с научными учреждениями городов и республик Советского Союза и с польскими учеными, так же как и опыт и контакты, приобретенные в ходе работы над другой, большой публикацией — по истории советско-польских отношений, могут и должны быть использованы для широкой координации исследовательской и публикаторской деятельности по указанной проблеме.

B. D. Королюк

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В РАННЕФЕОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД (VII—XI вв.)

1) В пятнадцатилетие, прошедшее с момента окончания второй мировой войны, вопросы истории раннесредневекового периода продолжали занимать важное место в исследованиях историков славянских стран. Проблемы образования государственности у славянских народов полностью сохраняют научную и общественно-политическую актуальность.

2) За этот период весьма существенно расширилась источниковедческая база исследований, главным образом за счет выявления и исследования больших комплексов новых памятников материальной культуры славянских народов VII—XI вв. Особенно значительных достижений добились советские, польские и чехословацкие археологи. Новые и важные материалы собраны и изучены также археологами Болгарии и Югославии, хотя в этих странах по-прежнему отмечалось заметное преобладание исследований, посвященных памятникам античной эпохи.

3) Что касается письменных источников, то здесь круг исследуемых памятников не претерпел столь радикальных изменений, хотя и расширился несколько за счет выявления и публикации такого нового типа источников, как древнерусские грамоты на бересте. Зато весьма существенные сдвиги произошли в области критического издания известных уже письменных источников, их комментирования и научной интерпретации. Именно в послевоенные годы издание памятников древнеславянской письменности, латинских, греческих, арабских, сирийских, армянских, скандинавских и других источников, относящихся к эпохе раннего средневековья, заняло весьма видное место в работе как историков СССР, так и историков всех зарубежных славянских стран. Столь же видное место в их работе

заняли и текстологические, источниковедческие исследования. В результате этого серьезно усовершенствовались приемы издания и критики письменных источников периода раннего средневековья.

4) Основные исследования историков и археологов славянских стран в послевоенный период концентрировались главным образом вокруг таких узловых проблем, как развитие материальной культуры раннесредневекового славянского общества, его социально-экономическое развитие, история классовой борьбы, а также история духовной культуры. Появились крупные обобщающие исследования, подводящие итоги и намечающие новые пути изучения основных процессов социально-экономического развития раннесредневекового славянского общества.

5) Заметно менее интенсивно исследовались вопросы истории государства и права у славян в период раннего средневековья, вопросы их политического развития, экономических и политических связей с другими восточноевропейскими странами, странами арабского Востока и Западной Европы. Большое научное и политическое значение этих вопросов, бесспорно, должно побудить советских историков усилить интенсивность своей работы и в этой области исследований.

6) В итоге многочисленных исследований советских и зарубежных славистов в настоящее время решены следующие вопросы:

а) Высокий уровень развития производительных сил, достигнутый славянами к моменту общего крушения рабовладельческого строя в Европе, позволил славянским народам миновать в своем развитии рабовладение как социально-экономическую формацию и прямо перейти от первобытнообщинного строя к феодализму. В этом переходе рабовладельческому укладу принадлежала только роль фактора, ускоряющего процесс феодализации.

б) Материальные предпосылки образования государственности у славян (развитие пашенного земледелия, ремесла и металлургии, начавшийся процесс отделения ремесла от сельского хозяйства) сложились уже на протяжении первой половины и начала второй половины I тысячелетия н. э.

в) Образование государственности у славян было результатом внутреннего социально-экономического развития славянского общества, результатом появления внутри

нега классов и классовых антагонизмов. Все теории, изображающие появление государственности у славянских народов как результат иноземного завоевания (норманская и родственные ей теории), лишены каких-либо исторических оснований.

г) Все известные по письменным источникам IX—X вв. государственные образования у славян, бесспорно, имели феодальный (точнее — раннефеодальный) характер.

7) Спорным, однако, остается вопрос о начальной гранни раннефеодального периода в истории славян. В то время, как одни исследователи считают такой гранью VII—IX вв., другие настаивают на VI—VII вв. Учитывая длительность и замедленность основных социально-экономических процессов в раннефеодальном обществе, учитывая уровень производства, достигнутый славянами еще в течение первой половины I тысячелетия н. э., представляется правильным принять для раннефеодального периода более широкие хронологические рамки, т. е. выскаться за VI—VII вв. как начальную грань раннефеодального периода в истории славянских народов.

8) В связи с этим следует, по-видимому, согласиться с тем, что так называемые племенные княжения, занимавшие часто обширную территорию, соответствующую территориальным рамкам военно-племенных союзов, являлись уже не политическими организмами первобытнообщинного строя, а примитивными формами политических организмов классового строя, зародившимися формами государственности, пришедшими на смени древним племенным союзам.

9) Формирование относительно единых раннефеодальных государств, охватывающих в основном всю территорию той или иной складывающейся славянской народности, шло путем поглощения одних племенных княжений другими. Выделялись и вели борьбу между собой основные политические центры объединения. Объединение это завершалось под руководством наиболее сильного княжества.

В ходе борьбы за политическое объединение страны развелся конфликт между местной племенной знатью, с одной стороны, и знатью центрального племени и поддерживающей усиливающейся княжескую власть дружинной знатью — с другой. Местная племенная знать часто использовала в своем конфликте с центральной властью классовую борьбу эксплуатируемого крестьянства.

Указанный конфликт не был, конечно, антагонистическим противоречием раннефеодального общества. В рамках его совершался процесс консолидации и формирования господствующего класса феодалов.

10) В литературе, особенно советской, применительно к балканским землям часто ставится вопрос о синтезе старых античных и новых славянских общественных отношений как основе, исходном пункте их дальнейшего социально-экономического развития. К сожалению, однако, проблема синтеза до сих пор остается чрезвычайно слабо разработанной. Если в известной мере разработка ее ведется применительно к Византии, то когда речь заходит об образовании южнославянских государств, вопрос этот полностью замалчивается, обходится исследователями. Между тем даже простое сопоставление фактов заставляет считать проблему синтеза первоочередной задачей славистических исследований, причем во внимание должны приниматься не только факты синтеза общественных отношений, но и факты силы и стойкости античных традиций в области материальной жизни общества, его духовной культуры. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что в период раннего средневековья наиболее энергично развивались именно те славянские земли, которые в прошлом были теснее других связаны с античным миром, испытали наибольшее воздействие античной цивилизации (древняя Болгария, Далмация, паннонские, чехоморавские и словацкие славяне).

11) Неравномерность социально-экономического развития отдельных славянских стран, по-видимому, определялась также и степенью интенсивности их связей с передовыми очагами средневековой цивилизации (Византия, арабский Восток, Италия и мусульманская Испания). Быстрее развивались паннонские, словацкие и моравские земли, чем чешские или сербо-лужицкие, Киевщина и Новгород обгоняли северо-восточную Русь, восточная Польша отставала от южной и северо-западной, прибалтийских славянских земель.

12) В связи с этой неравномерностью социально-экономического развития славянских стран находится, как правило, и усвоение ими христианства — мировой феодальной религии. Исключение составляют полабо-прибалтийские славяне, где христианизация задерживалась кровью агрессией германских феодалов.

Принятие христианства было прогрессивным актом, поскольку оно содействовало развитию феодальных отношений, оформляло феодальную надстройку общества. Принятие христианства с церковнославянским языком богослужения способствовало развитию славянской культуры и письменности, господство латинского богослужения оказалось в дальнейшем тормозом для культурного развития Польши и Чехии.

13) Сказанное выше не означает, однако, что в IX—X вв. язычество было у славян идеологией первобытно-общинного строя. Возникновение иерархии богов отражало процесс приспособления славянского язычества к условиям классового общества. Примером такого приспособления является религиозная реформа Владимира на Руси и сложная организация языческого культа у прибалтийских славян. Утверждению трансформировавшегося в классовую религию язычества в качестве господствующей религии мешало наличие в Европе более развитой мировой феодальной религии — христианства. В соперничестве с язычеством христианство неизбежно должно было взять верх и по общеполитическим причинам, по условиям внешнеполитического развития славянских государств в Европе. Христианизация укрепляла их международные позиции, в то время как язычество могло лишь осложнить их.

14) В славистической литературе правильно отмечалось, что внешний фактор — наличие угрозы иноземной агрессии, — как правило, ускорял процесс образования относительно единых раннефеодальных славянских государств. Нужно, впрочем, считаться с тем обстоятельством, что гипертрофия этого внешнего фактора — постоянный натиск иноземных феодалов, как показывает опыт полабо-прибалтийского славянства, мог способствовать замедлению процесса усиления центральной власти и серьезно изменить соотношение сил центробежных и центростремительных политических тенденций в обществе.

15) Раннефеодальное государство являлось аппаратом насилия нарождающегося класса феодалов. Это не исключает того, что именно в рамках относительно единых раннефеодальных монархий создавались наиболее благоприятные условия для развития формирующихся народностей. Трагическая история паннонских и полабо-прибалтийских славян хорошо иллюстрирует этот тезис. Именно поэтому в условиях феодальной раздробленности воспоминания

о былом политическом единстве сыграли такую важную роль в деле укрепления национального самосознания славянских народов и в дальнейшем помогали многим из них противостоять тем силам, которые противились прогрессивному процессу политической и экономической централизации страны.

Д. Ф. Марков

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРАХ

1) Социалистический реализм давно стал явлением мирового порядка, изучение его опыта является в настоящее время одной из первоочередных задач марксистской эстетики и критики. Между тем проблемы развития социалистического реализма в зарубежных литературах вообще, в славянских зарубежных литературах в частности разработаны советскими литературоведами еще крайне недостаточно: даже в 40-е—50-е гг. высказывались ошибочные мнения, что социалистический реализм возможен в той или другой стране якобы только после победы в этой стране социалистической революции, что в странах народной демократии он стал возникать лишь после 1944—1945 гг. Даже лучшие статьи о социалистических литературах за рубежом ограничивались, как правило, идеино-тематическим анализом, их авторы не поднимались до широких обобщений; во многих статьях часты были проявления догматизма, в них отсутствовал глубокий анализ литературного процесса.

2) После XX съезда КПСС наступило оживление в литературоведении и критике, повысился интерес к вопросам теории. Важную стимулирующую роль сыграла дискуссия о реализме в мировой литературе (Москва, 1957). Появилось, особенно в последние два-три года, значительное количество работ, в которых проблемы разрабатываются по трем направлениям: генезис социалистического реализма, этапы его развития, многообразие форм и стилей современных социалистических литератур. Задачи и цели исследования определили несколько типов работ: в одних внимание концентрируется на попытке дать обобщающую картину развития социалистического реализма в зарубежных литературах; другие представляют собой рассмотрение процесса развития социалистического реализма в отдель-

ных национальных литературах, изучение отдельных периодов этого процесса, ведущих жанров или творчества этапных фигур; особую группу представляют работы, посвященные собственно теории социалистического реализма, и книги и статьи, касающиеся связей зарубежных славянских литератур с советской литературой, прежде всего с творчеством М. Горького и В. Маяковского.

К сожалению, у нас еще отсутствует вполне возможный и интересный тип работ — комплексное исследование какой-либо одной важной проблемы социалистического реализма на материале нескольких национальных литератур. Такой тип исследования дал бы возможность сочетать глубину проникновения в конкретный материал с установлением общих закономерностей генезиса и развития социалистического реализма.

3) В настоящее время уже назрела необходимость создания истории социалистического реализма в мировой литературе, необходимость широкого обобщения опыта нового искусства. Решение этой задачи связано с последовательной борьбой против модернизма и ревизионизма, против представителей буржуазной эстетики, пытающихся посредством досужих вымыслов, всячески извращая истину, клеветать на социалистический реализм.

4) Задача советских славистов — внести свой вклад в изучение проблемы: раскрыть и ввести в общий поток научных исследований опыт зарубежных славянских литератур, который до сих пор у нас крайне недостаточно учитывается. В общих работах, посвященных зарубежным литературам, удельный вес славянских литератур неоправданно мал: из них обычно изредка берутся лишь отдельные, иногда случайные, примеры. Широких научных обобщений о социалистическом реализме в зарубежных славянских литературах еще почти нет. Создание таких работ только начинается, в частности в Институте славяноведения и в Институте мировой литературы АН СССР.

5) Важность задачи глубокой и всесторонней разработки проблемы социалистического реализма в зарубежных славянских литературах определяется тем, что в нынешних условиях особенности развития социалистического реализма в мировой литературе не могут быть широко раскрыты без учета опыта современных литератур всего социалистического лагеря, куда входит ряд славянских стран, историю и культуру которых мы изучаем.

6) В силу исторического своеобразия общественной жизни славянских стран ряд явлений в них может служить основой для выводов принципиального теоретического характера об общих закономерностях мирового литературного процесса. Это касается, например, генезиса социалистического реализма. В связи с этим большой интерес представляли бы темы: пролетарская революционная поэзия в Польше 80-х гг. XIX в., пролетарская литература Болгарии конца XIX—начала XX в., формирование социалистического реализма в чешской и болгарской литературах в начале 20-х гг., польская революционная литература 20—30-х гг., проблема «нового реализма» в словенской, сербской и хорватской литературах в 30-х гг. и др.

Установление этапов развития социалистического реализма в литературах зарубежных славянских стран, несомненно, помогло бы уточнению его периодизации в мировой литературе.

Центром исследований проблем социалистического реализма должно стать изучение социалистических литератур на современном этапе их развития. Живой опыт этих литератур демонстрирует их подлинный расцвет, богатство их содержания и стилевую многокрасочность, особенно ярко выступающие в сравнении с характерным для современной буржуазно-модернистской литературы состоянием упадка и бесперспективности. Раскрытие этого контраста и, следовательно, широчайших эстетических возможностей социалистического реализма — задача увлекательная, боевая, связанная с практикой строительства социалистической культуры.

7) Указанные три направления в исследовании проблемы социалистического реализма включают еще ряд важных вопросов, которые должны привлечь внимание наших славистов. Это вопросы — о национальных особенностях развития социалистического реализма, о его соотношении с другими творческими методами, о путях перехода разных писателей от модернистских течений к передовому искусству, об эстетическом содержании и значении коммунистической партийности, о единстве и многообразии социалистических литератур, о характере и значении их связей и др.

Все эти вопросы могут решаться в плане литературно-критическом, историко-литературном или «чисто» теоретическом. Это зависит от конкретно поставленной задачи,

от материала, от индивидуальных склонностей исследователя и т. д.

8) Названные проблемы оживленно обсуждаются и в странах народной демократии на совещаниях, конференциях и съездах творческой интеллигенции; за последние годы там появился ряд работ, представляющих большой интерес и имеющих много общего с исследованиями советских славистов.

9) Для решения выдвинутых проблем нужна координация усилий советских славистов между собой и с литературоведами зарубежных славянских стран. Такой широкой научной координации у нас еще нет.

Об этом свидетельствуют, в частности, планы научно-исследовательской работы по проблеме социалистического реализма Института славяноведения, ИМЛИ, Института литературы АН УССР (анализ планов). Отсутствует должный взаимный учет достижений советских и зарубежных ученых в разработке этой проблемы.

10) Литературоведы Института славяноведения уже провели некоторую работу по проблеме социалистического реализма (статьи и книги С. Шерлаимовой, С. Никольского, В. Злыдиева, Н. Кравцова, Ю. Богданова, В. Хорева, Д. Маркова). Это создало почву для образования группы по изучению социалистического реализма. Главное в ее работе — комплексное решение проблемно-теоретических вопросов на материале нескольких литератур (характеристика состава группы, общего направления ее работы, планов, проспектов сборников).

Для обсуждения в литературоведческой секции координационного совещания Институт славяноведения АН СССР предлагает две темы, в разработке которых могли бы принять участие слависты других научных учреждений и высших учебных заведений Советского Союза:

а) Становление социалистического реализма в литературах зарубежных славянских стран (срок окончания работы — 1961 г.).

б) Проблемы социалистического реализма в современных литературах зарубежных славянских стран (сроки выполнения — 1961—1965 гг.).

Обе темы предполагают объединение сил ученых. Широта второй темы позволяет включить разнообразные вопросы, связанные с развитием современных социалистических литератур; не исключена возможность группировки

работ по проблемному принципу и издания ряда сборников.

11) Согласование планов, взаимные обсуждения выполненных работ, в том числе и вышедших в свет, — важное условие нашей дальнейшей работы. Филологическая секция Объединенного научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения должна располагать всеми нашими планами, рассматривать их и помогать осуществлению координации усилий славистов-филологов.

12) Представляется совершенно необходимым ввести в практику нашей работы систематическое устное реферирование и рецензирование в печати работ зарубежных и советских ученых; участие в совещаниях и конференциях по социалистическому реализму, проводимых в Советском Союзе; выступления в печати с проблемно-теоретическими статьями и др. Необходимо обменяться мнениями о формах планирования работы подобного характера.

13) Следовало бы периодически подводить итоги научных исследований проблемы социалистического реализма в зарубежных славянских литературах, определить общие задачи дальнейшей работы, намечать перспективные планы. В организации и координировании этих мероприятий мог бы принять участие Институт славяноведения АН СССР.

N. I. Кравцов

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ СЛАВЯН

1. Богатое и самобытное устно-поэтическое творчество славянских народов прошло сложный путь исторического развития и отличается значительностью жизненного содержания, прогрессивностью идеи и совершенством форм. Оно является важной частью национальной культуры этих народов и ценным вкладом в мировую художественную культуру. Все это делает необходимым привлечь к его изучению внимание советских фольклористов.

2. Современная славянская фольклористика получила в наследство от старой науки богатые материалы и ценные научные идеи. Используя это наследство, она должна в то же время отнести к нему строго критически и отвергнуть ошибочные теории и положения. В СССР и зарубежных славянских странах переиздаются классические собрания народных произведений, труды известных фольклористов, печатаются работы о них и о межславянских научных связях. Но необходимо шире показать достижения в сабирании и изучении славянского народного творчества, марксистски осознать историю славянской фольклористики.

3. Новый этап социально-исторического развития славянских народов ставит перед наукой о фольклоре и новые задачи. Их решению помогают достижения советской фольклористики, вооруженной марксистско-ленинским методом исследования. Они благотворно сказались и на работах советских славяноведов, изучающих фольклор западных и южных славян, и на работах ученых Чехословакии, Польши, Болгарии. Изучение фольклора западных и южных славян неразрывно связано с изучением фольклора восточных славян. Сотрудничество этих двух областей славянской фольклористики необходимо всемерно расширять.

4. Устно-поэтическое творчество славянских народов отличается близостью тем и сюжетов, образов и выразительных средств. Это объясняется родством славянских народов, их связями и соседством, общими закономерностями фольклора. В последнее время значительно сблизились пути их исторического и культурного развития. Все это требует широкой постановки сравнительно-исторического изучения славянского фольклора, выяснения основ общности и форм творческих связей. Советская фольклористика выдвинула ряд методологических проблем сравнительного изучения славянского фольклора, они освещаются и чешскими учеными (Вольман, Горалек, Доланский). Но в конкретном изучении этих проблем сделано очень мало. Нельзя, например, не обратить внимания на близость украинских дум и гайдуцких и ускоцких песен южных славян, на сходство композиции, символики, сравнений и эпитетов, ритмико-интонационной стороны лирических песен, на своеобразие явлений в фольклоре пограничных областей, например украинско-словацких.

5. Исторические судьбы западных и южных славян, как и восточных, характеризуются длительной национально-освободительной борьбой против иноземных захватчиков и их ассимиляторской политики. Это ставит задачу раскрыть влияние процесса формирования наций и национально-освободительной борьбы на устное творчество славян, а также роль фольклора в укреплении освободительных стремлений и патриотического самосознания, в развитии национальных культур славянских народов.

6. Важным достижением советской и зарубежной славянской фольклористики является изучение социальной сущности народного творчества и его связи с освободительной борьбой народных масс. В собирании и разработке, например, рабочего фольклора ценные результаты достигнуты в Чехословакии и Польше (работы Карбусицкого и Плетки, Айненкеля, Живирской и др.). Необходимо продолжать изучение социальной стороны фольклора, но следует обратить внимание на исследование его художественного своеобразия, жанровых форм, образности и поэтики, а также интернациональных моментов в нем.

7. Западные и южные славяне вступили в новую страницу своего общественного развития, что определяет и новые процессы в их устном творчестве. Поэтому возникает задача выяснить современное состояние фольклора,

судьбу традиционных жанров в новых условиях, отражение в фольклоре новой действительности и, возможно, зарождение новых художественных форм и средств. Наибольших успехов в изучении современного фольклора, в том числе партизанского, достигли болгарские и чешские фольклористы. В советской фольклористике есть пока лишь отдельные статьи по новому фольклору Болгарии. Следует надеяться, что декабрьское совещание в Киеве по современному фольклору будет содействовать и изучению современного творчества зарубежных славян.

8. Советская фольклористика уделила внимание изучению основных жанров славянского фольклора: сербскому эпосу и лирическим песням, болгарским гайдуцким песням, песням жнецов, пословицам и песням восстания 1923 года. Но многие важные жанры пока забыты, например обрядовый фольклор, к которому надо подойти с учетом итогов изучения русского обрядового фольклора (работы В. И. Чичерова), сказки, сказы. Кроме того, пока изучается преимущественно творчество южных славян и почти не уделяется внимания творчеству западных славян. В славянских странах есть свои особенности в изучении жанров соответственно жанровому составу их фольклора: в Чехословакии более изучают баллады, разбойничье и лирические песни, рабочий фольклор, в Болгарии и Югославии — эпос. Советская фольклористика, учитя это, должна прежде всего обратить внимание на наиболее ценные в идейном и художественном отношении жанры — эпос, трудовые песни, лирику, сказки, пословицы, рассказы рабочих. До сих пор нет обобщающих исследований по болгарскому (юнацкому) эпосу. В связи с появлением работ о белорусском, польском и сербо-лужицком эпосах необходимо принципиально выяснить этот вопрос. На очереди стоит проблема исторического характера эпоса, поднятая акад. Рыбаковым.

9. Славянский фольклор тесно связан с литературой. Общим вопросам их взаимоотношений посвящены работы Азадовского, Вацлавека, Сметаны, Вольмана, Дворака, Горалека, Динекова; чешские литературоведы осветили влияние фольклора на творчество многих видных писателей. Подобная работа ведется и в других странах. Советские славяноведы написали диссертации о воздействии на болгарских писателей гайдуцких песен, народного творчества на Мицкевича, сербского эпоса и лирики на

Змая-Йовановича; они ставят вопросы взаимодействия фольклора и литературы в работах о Мицкевиче, Словацком, Челаковском, Эрбене, Тыле, Немцовой, Неруде, Ирасеке, Ботеве, Вазове, Пенcho Славейкове. Но все это делается, попутно, без определенного плана систематического изучения этих проблем. Они широко должны быть поставлены и в общих трудах по истории славянских литератур, и как специальные вопросы. Например, важно выяснить эпохи наиболее широкого взаимодействия литературы и фольклора, особенности отношения к нему различных литературных направлений, в том числе и модернизма; проявление фольклоризма у поэтов, прозаиков и драматургов, судьбу литературных произведений в народной среде, влияние фольклора на крупнейших писателей.

10. Славянские народы располагают богатейшими сокровищами народного творчества и ценными неопубликованными материалами, хранящимися в архивах институтов и музеев; это богатство надо ввести в научный оборот, а также систематически собирать новые материалы, в том числе в болгарских поселениях южных областей СССР.

11. В науке зарубежных стран, особенно капиталистических, проявляются устаревшие и реакционные методы исследования фольклора, а нередко и националистические тенденции. Необходимо разоблачать реакционные теории, бытующие в фольклористике ФРГ, США, Канады, Англии, цель которых состоит в принижении культуры славянских народов. Следует также подвергнуть критике используемые в фольклористике Югославии старые сравнительный и исторический методы изучения фольклора.

* * *

Выполнение указанных выше сложных задач славянской фольклористики возможно только при объединении и координации сил советских славистов, создании в Институте славяноведения АН СССР группы по изучению славянского фольклора, издании сборников и созыве совещаний по славянскому народному творчеству, организации научной информации и библиографии, расширении взаимного сотрудничества фольклористов славянских стран. Понятно, что все эти задачи следует осуществлять общими усилиями научных учреждений и вузов нашей страны.

N. I. Толстой

ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ЮЖНО- И ЗАПАДНОСЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ В СССР

1. Определение задач изучения южно- и западнославянских языков в СССР зависит от: 1) общего объема и характера задач изучения указанных языков, стоящих перед славянским языкоизнанием в международном масштабе; 2) состояния исследований этих языков за рубежом, прежде всего в южно- и западнославянских странах; 3) состояния и возможностей изучения этих языков в СССР. Принимая во внимание эти три фактора, а также уровень и перспективы общеязыковедческих исследований в нашей стране, можно в основных чертах определить поставленные задачи.

Границы нашей страны охватывают всю территорию современного восточного славянства, что ставит перед нашими языковедами специфические проблемы очень широкого масштаба. Однако, по давно установленной традиции, под славистикой понимается наука, занимающаяся или общеславянской, или инославянской проблематикой. По этому принципу в СССР выделяются — и надо полагать с полным основанием — в виде отдельных самостоятельных дисциплин с широкими общими и частными задачами русистика, украино-истика и белорусистика. Подобным же образом могли бы быть выделены у нас чешистика, полонистика, сербистика, болгаристика и т. д., однако в аспекте языковедческом в условиях нашей страны целесообразнее добиваться более тесной связи частных инославянских проблем и проблем общеславянских и ставить даже в ряде случаев первые в зависимость от вторых. Исключительно важной является проблема межславянских языковых связей (в области истории литературных языков и диалектов) и соотношений, но общеславянские лингвистические проб-

лемы (славянская праордина, праславянский язык, сравнительная грамматика славянских языков, общеславянский лингвистический атлас, сравнительная славянская лексикология, этимология, отношение славянской языковой семьи к неславянским, в первую очередь к балтийской и другим индоевропейским, история церковнославянского языка, кирилло-методиевская проблема и др.) следует считать доминирующими. От их постановки и разрешения зависит во многом аспект и уровень исследований по отдельным славянским языкам, как восточным, так и западным. Несомненное значение имеют также ареальные — восточно-, западно- и южнославянские разыскания.

2. Возможности изучения южно- и западнославянских языков в нашей стране несколько ограничены. Крайне затруднительно вести широкие исследования по диалектологии (кроме болгарской и лужицкой — здесь созданы особо благоприятные условия), отчасти по истории литературных языков (отсутствие должного количества источников) и истории языка. Едва ли возможна и целесообразна работа в СССР над нормативными и историческими словарями, над проблемами культуры речи и стилистики современных южно- и западнославянских языков. Тем не менее и остальной круг проблем крайне важен для славянского языкознания в целом и отдельных его дисциплин в частности. Среди них следует отметить прежде всего проблемы фонологии, морфологии, синтаксиса и словообразования (в современном аспекте, в диахроническом плане и в плане историческом — с установлением последовательного ряда синхронных срезов), а также вопросы лексикологии, истории литературных языков (преимущественно в плане взаимосвязей), вопросы, связанные с так называемой «прикладной» лингвистикой.

Проблемы изучения старославянского языка занимают, по нашему мнению, автономное положение в славистике и должны рассматриваться особо. Это же относится к вопросам, связанным с историей науки, с изданием памятников, с библиографией.

3. Определяя задачи на ближайшее время и рассматривая их с учетом целевой установки настоящего координационного совещания, отметим, что прошедший IV Международный съезд славистов показал известную неравномерность в исследовательской работе по изучению южно- и западнославянских языков в СССР. Она выражается

прежде всего и в территориальном плане (в Киеве, Львове, Ужгороде, Вильнюсе изучаются почти исключительно западнославянские языки; в Москве изучаются все славянские языки, но преимущество имеет болгаристика; в Ленинграде — и южно- и западнославянские языки, но отсутствуют специалисты по словенскому, македонскому, словацкому, лужицким языкам; в Минске славистика все еще находится в зачаточном состоянии) и в плане проблематики (в Киеве и Львове серьезное внимание уделялось вопросам словообразования, синтаксиса предложения и отчасти фонетики и акцентологии; в Москве и Ленинграде — вопросам грамматического строя, в основном болгарского языка, вопросам фонологии —польской и сербскохорватской, проблемам синтаксиса падежей, видо-временных отношений и отчасти словообразовательным проблемам). К сожалению, наблюдались факты дублирования одних и тех же тем.

4. В области фонетических исследований в ближайшее время трудно предвидеть возможность изучения в нашей стране звуковой стороны южно- и западнославянских языков с применением тщательного экспериментального рентгенологического и акустического анализа, имеющего целью исчислить соотношение между артикуляцией и ее акустическим эффектом и установить формулы, на основании которых было бы возможно снабдить различительные элементы в языке четкими акустическими определениями. Эта работа еще не проделана у нас и применительно к русскому языку. Поэтому более реальны ближайшие перспективы фонологического анализа южнославянских языков (для западнославянских в этом плане сделано уже многое) и диалектов, хотя бы в духе традиций пражской школы (исследования П. Ивича и Г. Клагстада можно считать лишь первым шагом в этом направлении). Историческое развитие фонологической системы южнославянских языков также ждет своих исследователей. Нужно отметить, что и западнославянские языки в указанном аспекте, несмотря на работы Э. Штибера, С. К. Шаумяна и М. Комарка, требуют дальнейших разысканий. Дихотомическая теория применена пока на сравнительно небольшом материале в довольно схематичных формах. На материале славянских языков зародилась в свое время новая теоретическая дисциплина — фонология, и было бы важно, чтобы ее дальнейшее развитие базировалось опять-таки на

славянских фонологических системах. Учитывая более широкую перспективу, целесообразно установление фонологических моделей для отдельных славянских языков и диалектов, в основу которых кладётся понятие дифференциального признака. Такие фонологические модели следует соотносить с данными спектрального анализа. Не вычислена еще энтропия для большинства славянских языков и не подвергнута статистическим подсчетам употребительность отдельных фонем и их сочетаний (прежде всего консонантных).

5. Из морфологических проблем особенно важной является проблема развития системы склонения в отдельных славянских языках. При этом необходим учет внутреннего соотношения как внутри парадигм (проблема морфологического значения падежа), так и соотношение отдельных типов парадигм между собой (при учете различных формальных показателей одного и того же морфологического значения). В этой области необходимо, с одной стороны, накопление нового фактического материала (помимо имеющихся старых работ О. Гуйера, В. Облака, Дж. Даничча и новых — А. Граппена, Г. Сване), с другой стороны, новый методологический подход к проблеме, требующий строгого соблюдения последовательного ряда синхронных срезов, устанавливаемых в связи с основными фонетическими и словообразовательными процессами. Особую проблему представляет развитие аналитизма в болгарском языке (имеющиеся работы К. Мейера и более поздняя И. Дуриданова ни по объему привлеченного материала, ни по методологии не могут удовлетворить современным требованиям).

Исключительно важным является статистический подсчет морфем в отдельных славянских языках, определение степени их грамматической информации как в современном, так и в историческом плане (такой подсчет также можно считать возможным).

Проблема классификации славянского глагола с учетом специфики глагольного морфологического механизма отдельных славянских языков и диалектов на современном этапе их развития и в различные исторические периоды до сих пор остается не разрешенной, а между тем очевидность несостоятельности применения ряда традиционно установленных схем (напр., классификация А. Лескина), часто перенесенных с одной эпохи на другую, едва ли

вызывает сомнения. Разрешение этой, так же как и изложенной выше, проблемы на материале отдельных славянских языков важно не только для дальнейших сравнительно-исторических, но и типологических исследований¹.

Проблема славянского глагольного вида, несмотря на обилие собранного материала и множество наблюдений, продолжает оставаться актуальной и не разрешенной до конца. Даже современное состояние морфологического механизма глагольного вида не изучено во всей его полноте в отдельных славянских языках (ср., напр., работу И. Грицката о двухвидовых глаголах в сербскохорватском языке) и диалектах. Этот вопрос недостаточно изучен и в историческом аспекте (по материалам памятников). Некоторые славянские языки (например, словенский) еще не подверглись внимательному исследованию аспектологов. «Классической» аспектологической проблемой было в основном происхождение вида, а между тем, как справедливо указал А. В. Исаченко, до сих пор остаются неизученными такие вопросы, как категория «актуальности» и «неактуальности» действия в современном чешском языке, проблема отграничения вида и способов действия, ряд проблем, связанных с глаголами движения, и др.

6. Успешное изучение синтаксиса отдельных славянских языков (как синтаксиса частей речи, так и синтаксиса словосочетания-сintагмы и предложения—простого и сложного) зависит от развития общей лингвистической (синтаксической) теории, видимо, более, чем другие грамматические дисциплины. Дальнейшее исследование современных славянских языков в плане традиционного синтаксиса едва ли может привести к более четкому выявлению специфических особенностей отдельных языков и дать что-либо большее, чем каталогизацию фактов. Весьма важный для сравнительно-исторического изучения (в целях реконструкции) и для проблем ареальной лингвистики вопрос синтаксиса диалектов, к сожалению, почти недоступ-

¹ Отметим во избежание весьма распространенного заблуждения, что сравнительно-исторический метод исследования и типологический при изучении родственных языков не являются противополагающимися факторами или тем более взаимоисключающимися, а дополняющими друг друга, неразрывно связанными. Сравнительно-историческое изучение языков на современном этапе развития науки невозможно без учета типологических характеристик. Возможно и типологическое изучение неродственных языков, имеющее свою специфику.

чен нашим исследователям. Изучение синтаксиса современных славянских языков (так же как отчасти и исторического синтаксиса) должно быть подчинено в большей мере задачам типологического исследования и в меньшей — задачам реконструкции (в этой области до сих пор лингвистика не обладает надежными критериями); при этом существенную помощь может оказать трансформационный анализ, как один из наиболее эффективных методов синтаксического исследования, тесно связанного с задачами МП.

7. Изучение словообразовательной системы южно- и западнославянских языков как в плане их современного состояния, так и исторического развития имеет в нашей стране довольно широкие перспективы и вызывает интерес довольно многочисленного круга специалистов. В этой области, равно как и в других областях славянского языкознания, исключительно важным является применение единых принципов исследования и принятие общих целевых установок. Не затрагивая важный в общеславянском аспекте, но еще мало исследованный вопрос о географическом распространении различных словообразовательных формантов и типов, отметим необходимость их рассмотрения в современных славянских языках (а также в определенные исторические периоды) в плане внутреннего соотношения, а также продуктивности и непродуктивности. Для решения этих задач необходимо создание обратных словарей (словари чешский, польский и русский находятся в производстве) и указателей частотности словообразовательных формантов и моделей и применение трансформационного метода. Исключительный интерес представляет также изучение архаических словообразовательных типов, отраженных в ономастическом материале.

8. Возможности изучения южно- и западнославянской лексики, прежде всего диалектной и исторической, в нашей стране несколько ограничены. Тем не менее на основании уже опубликованных материалов возможно отчасти разрешение такой актуальной проблемы, как лексические соответствия между отдельными славянскими языками, выделение в каждом языке круга лексики, которую можно отнести к праславянской эпохе, определение ее географического ареала, не говоря уже о задачах этимологических исследований (см. тезисы О. Н. Трубачева).

В области структурной типологии словарного состава

славянских языков основные задачи были недавно сформулированы А. В. Исаченко (см. «Slavia» XXVII, 3). В этой области проблемы лексикологии и семасиологии тесно сплетаются с проблемами словообразовательного порядка. Мало изучены пока процессы семантической конденсации в связи с различными формальными средствами отдельных славянских языков, явление сосуществования в ряде современных языков двух (или даже нескольких) лексических и стилистических «регистров» (напр., в русском языке — исконно русского и книжнославянского) стандартность и нестандартность словообразовательных средств и лексических возможностей и др.:

Важной задачей, непосредственно связанной с историей древнеславянского языка и историей литературных языков, является определение круга церковнославянской лексики и ее стилистических функций на всех этапах развития отдельных славянских языков. Эту работу следует проводить, видимо, постепенно, по отдельным группам лексики, не дожидаясь выхода в свет исторических словарей славянских языков и словаря церковнославянского языка, который, как можно предполагать, будет делом довольно далекого будущего.

9. Из разнообразных и довольно многочисленных проблем, стоящих перед исследователем истории славянских литературных языков в настоящее время, целесообразно выделить две проблемы: история древнеславянского (церковнославянского) литературного языка и формирование славянских национальных литературных языков.

История древнеславянского литературного языка, в основе которого лежит старославянский язык, изучена очень плохо. До сих пор нет четкого представления о его грамматической, лексической и орфоэпической системе в различные эпохи его развития (от XII в. до начала XVIII в.), четкой характеристики «изводов» и их взаимообусловленности, наконец, определения соотношения «изводов» с отдельными народно-разговорными субстратами.

Проблема становления современных литературных славянских языков, с одной стороны, тесно связана с вышеизложенной проблемой, так как для ряда языков, прежде всего южнославянских, важно изучение исходных позиций процесса формирования национальных литературных языков, с другой стороны, интересны существенные «типологические» различия в плане сохранения или отри-

щания исторических традиций, обращения к той или иной диалектной основе, степени участия западноевропейского (французского, немецкого) элемента, связанного, как правило, с двуязычием, наличия или отсутствия пурристических тенденций и т. п. Особенно плодотворным может быть разрешение этой проблемы в сопоставительном плане.

10. Изложенные выше задачи не охватывают всей проблематики, связанной с изучением южно- и западнославянских языков в СССР, и, естественно, ставят ее в самой общей форме. Необходимо выяснение более частных и конкретных проблем, а возможно, и выработка списка рекомендательных тем для будущих исследований (отдельных монографий, статей, диссертаций и т. п.). Составление такого списка оказалось бы одним из полезных итогов нашего совещания.

С. Б. Бернштейн

ОЧЕРЕДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1) Новейшие достижения теоретического языкоznания еще в очень слабой степени применяются и проверяются в сравнительно-исторических исследованиях. Сравнительная грамматика славянских языков бедна исследованиями, в которых бы применялся метод фонологического анализа, использовались бы приемы лингвистической географии. Только теперь начинают появляться небольшие статьи и заметки, в которых решаются некоторые вопросы структурной типологии славянских языков. В отличие от сравнительной грамматики индоевропейских языков в славянском языкоznании еще сравнительно мало разрабатывается метод внутренней реконструкции.

2) Центральное место в сравнительной грамматике славянских языков занимает праславянский язык. Однако слависты основное внимание уделяют поздней истории этого языка, периоду его диалектного дробления. Ранняя эпоха рассматривалась схематично в свете той сравнительной грамматики индоевропейских языков, которая отражена в трудах Бругмана, Фортунатова, Мейе, Хирта и их современников. Специалисты по сравнительной грамматике славянских языков почти не учитывают достижений новейшей сравнительной грамматики индоевропейских языков, мало используют тот новый материал, который содержится в тех индоевропейских языках, которые стали известными ученым только в XX столетии. Однако уже первые опыты применения, например, ларингальной теории дают ценные результаты. Нет сомнения в том, что фонетический и грамматический строй праславянского языка ранних эпох его истории существенным образом отличался от того праславянского языка, который известен нам

по грамматикам Микколы, Ильинского, Мейе и др. Задача состоит в том, чтобы восстановить черты праславянского языка древнейших эпох. Этого можно будет достичь путем систематического применения метода внутренней реконструкции.

3) Изучение истории праславянского языка требует всестороннего учета данных тех родственных индоевропейских языков, с которыми праславянский язык в различные периоды своей истории находился в тесном контакте. Здесь в первую очередь выступает балто-славянская проблема, над решением которой работает много поколений языковедов. Однако итоги всей этой работы могли бы быть значительней и плодотворней, если бы главное внимание исследователей было направлено на всестороннее изучение истории тех явлений фонетики, грамматики и словаря, которые не только объединяют славянские и балтийские языки, но и отличают их. Большинство исследователей балто-славянской проблемы подходило к исследованию фактов с готовой теорией. Искусственно отбирались те факты, которые подтверждали данную теорию. Создавались многочисленные гипотезы для того, чтобы объяснить те факты, которые не укладывались в тесные рамки теории.

Много еще предстоит сделать в области славяно-германских языковых связей. Здесь исследователь сталкивается с многими трудностями различного характера. Много сделано для установления этимологии. Решена в основном проблема периодизации. Главным вопросом данной научной проблемы в настоящее время является географическое распространение праславянских германизмов. Установление зон праславянских германизмов может дать много для абсолютной хронологии ряда праславянских диалектизмов.

Большое значение приобретает ирано-славянская проблема. Связи праславянского языка с различными древними иранскими языками были сильнее, нежели это казалось многим исследователям прежде. Значительным иранское влияние было в области религии и военного дела. Глубокие следы иранского влияния обнаруживаются в древнейшей славянской мифологии.

Нет сомнения в том, что в праславянский язык проникло определенное число кельтских и фракийских слов. Однако ожидать в ближайшее время каких-то значительных

успехов в изучении славяно-кельтских и славяно-фракийских языковых связей нет оснований. Слишком мало надежных источников.

4) В последние годы вновь появился живой интерес к вопросам древнейших славяно-финских языковых отношений. Новейшие исследования показывают, что в старых работах было много фактических ошибок, многие явления получили ложное толкование. Коренным образом пересматриваются вопросы хронологии. Устанавливается, что древнейшие славяно-финские языковые связи относятся к более позднему времени, нежели это представлялось исследователям прежде. Особый аспект данной проблемы — роль финского языкового субстрата в формировании различных черт славянских языков.

5) Еще очень мало сделано для изучения праславянских диалектов. Исследователи ограничиваются уже давно известными отдельными фонетическими и грамматическими чертами. А между тем не может быть никаких сомнений в том, что праславянские диалекты в поздние периоды своей истории характеризовались глубокими различиями в области звуковой системы, словообразования, морфологии, синтаксиса, лексики и семантики. Для установления этих отличий необходимо провести широкое обследование различных явлений славянских языков методом лингвистической географии. Это даст возможность установить многочисленные древнейшие изоглоссы, на основе которых в дальнейшем можно будет выявить праславянские изоглоссные области. Решению всех этих вопросов должен помочь общеславянский лингвистический атлас. Об этом речь будет идти специально. Однако данную проблематику нельзя ограничивать только общеславянским атласом. Он не сможет охватить всей проблематики. Методом лингвистической географии можно и нужно решать ряд специальных проблем, которые выходят за рамки общеславянского атласа. Укажу на одну из таких проблем.

Уже давно славистов интересует вопрос о так называемых переходных говорах между восточнославянскими и южнославянскими языками. До сих пор этот вопрос не решен. Ответ на данный вопрос может быть получен только в результате детального и всестороннего обследования определенной группы говоров по единой программе. Речь идет об обследовании украинских говоров Буковины и Закарпатья по программе, составленной на основе существ-

вующих программ украинского и болгарского языков. На основе этого материала может быть составлен атлас, который покажет характер взаимоотношений между украинским и болгарским языками. В этой работе могли бы принять участие болгароведы Института славяноведения АН СССР, диалектологи Львова, Ужгорода и Черновиц. Работа по составлению программы могла бы начаться в 1961 году, полевая работа — в 1962 году. В дальнейшем можно было бы приступить к составлению так называемого карпатского лингвистического атласа, который бы включал в себя материал не только славянских языков.

Большое научное значение имеют диалектные словари славянских языков. В каждом научном и педагогическом центре должна вестись работа по составлению таких диалектных словарей. Чрезвычайно важным представляется нам изучение лексики Полесья. В этой важной работе могли бы принять участие учебные заведения УССР и БССР. В работе над полесским диалектным словарем мог бы принять участие и Институт славяноведения. В связи с этим необходимо обратить особое внимание на разработку теории диалектных словарей. В общей теории лексикографии этот раздел разработан плохо.

6) Одной из центральных задач сравнительной грамматики является изучение общеславянских процессов, т. е. тех общих процессов, которые происходили и происходят в славянских языках в период их самостоятельного развития. В этом направлении сделано уже много. Однако и здесь еще очень много нерешенного и спорного. Очень слабо разрабатывается история общеславянских процессов с учетом фонологического аспекта. В последние годы в Институте славяноведения проведен целый цикл исследований, посвященный истории корреляции твердости — мягкости согласных в славянских языках. Предстоит исследование ряда новых тем. Очень мало проводится исследований различных сторон словообразовательной системы славянских языков. Много предстоит еще сделать в области акцентологии. Хорошо известно, что самым отсталым участком сравнительно-исторических исследований является синтаксис. Наша задача состоит в том, чтобы коренным образом изменить положение. В Институте славяноведения уже много лет ведутся исследования по синтаксису падежей. Монография о творительном падеже уже опубликована. В печати находится монография о локативе. Завер-

шается монография о дательном падеже. Эта серия исследований непременно должна быть завершена. Была опубликована монография об употреблении прилагательных в старославянском языке. Но это лишь только начало. Большое место синтаксические проблемы занимают в планах славистов Киева. Необходимо организовать совместный цикл сравнительно-исторических исследований различных сторон синтаксической структуры славянских языков: синтаксиса частей речи, структуры простого и сложного предложений. В этих исследованиях должны принять участие работники всех славистических центров нашей страны.

7) Большое место должны занять исследования по структурной типологии. В этих исследованиях должны быть вскрыты взаимосвязи между отдельными элементами языковой структуры: изменения вокализма в связи с историей категории твердости — мягкости согласных, явления редукции безударных гласных в связи с историей ударения и др.

P. И. Аванесов

**ОБ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АТЛАСЕ
(проблематика, организация работы)**

1. На IV Международном съезде славистов, состоявшемся в Москве в сентябре 1958 г., создание общеславянского лингвистического атласа было признано одной из насущных и важных задач славянского языкознания. Были приняты и некоторые решения, которые стимулировали начало этой работы в период после съезда.

2. Лингвистическая география, возникшая еще в последней четверти XIX в., в течение XX в. сделала огромные успехи. Был создан ряд атласов, неодинаковых по своим исходным теоретическим позициям и по своей методике. Однако эти атласы охватывали территорию одного языка, а в некоторых случаях даже часть территории одного языка. Атласа группы родственных языков до сих пор мы не имеем.

3. Если на отдельной национальной территории (имеем в виду славянской национальной территории) язык чаще образует одну сложную систему, различающуюся в отдельных своих звеньях, то на территории группы родственных языков обычно наличествуют разные системы, имеющие общие элементы. Это коренным образом меняет взаимоотношение соотносительных элементов отдельных языковых систем, элементов, которые являются объектами картографирования. Последние обычно на территории разных языков не образуют синхронического тожества, но представляют собой тожество диахроническое.

Новизна дела, его масштабность, исключительная трудоемкость, большие организационные трудности на пути к его осуществлению — все это требует предварительного исследования основных вопросов теории атласа группы родственных языков и в особенности тщательной разра-

ботки вопросника, который в значительной мере предопределяет характер атласа, его удач и недостатки.

4. В отличие от национального атласа, дающего материал для истории отдельного языка в его диалектах, общеславянский лингвистический атлас должен дать материал для истории взаимоотношений славянских языков и диалектов — ретроспективно начиная от эпохи (неодинаковой для отдельных славянских языков и диалектов), когда сложились современные славянские языки и диалекты, до поздней праславянской эпохи, когда появились древнейшие диалектные различия. Этот круг вопросов относится к сфере сравнительно-исторической грамматики славянских языков, а также к взаимно соотносительным явлениям в истории отдельных славянских языков.

5. Общеславянский лингвистический атлас не ставит своей задачей охватить черты новые и новейшие, появившиеся в эпоху после сложения всех современных славянских диалектов и языков и в большей своей части связанные с нивелировкой старых диалектных различий или с новообразованиями, охватывающими национальный язык как целое, а также нередко переходящие за рамки отдельного языка.

6. В соответствии с современными научными требованиями все сопоставимые языковые явления в общеславянском лингвистическом атласе картографируются не в отрыве от системы языка, а как элементы системы соответствующих языков и диалектов. Поэтому общеславянский лингвистический атлас, вне сомнения, должен дать ценный материал не только для сравнительно-исторического, но также для структурного, сравнительно-типологического изучения славянских языков, являющегося одной из актуальных задач современного языкознания.

7. Вопрос о территориальном охвате общеславянского лингвистического атласа определяется следующими соображениями. Известные нам из диалектологии современные русские диалекты в основном сложились во всяком случае в течение XVI в. То же примерно можно сказать и о диалектах украинских. В дальнейшем эти диалекты в той или иной степени подвергались нивелировке, а также распространялись на новые территории, где нередко чередовались, соседствовали друг с другом и смешивались между собой. Принимая это во внимание, а также сказанное в тезисах 4 и 5, общеславянский лингвистический

атлас не охватит всей территории распространения русского и украинского языков, а лишь ту территорию, на которой сформировались основные диалекты этих языков. Русский язык будет картографироваться примерно на тех территориях, на которых он был распространен в XVI в. (иначе — не будут картографироваться говоры северо-востока, востока и юго-востока Европейской части СССР и, само собой разумеется, Сибири и Дальнего Востока). Для украинского языка не будут картографироваться говоры Слободской Украины, Донбасса, Новороссии. Для остальных славянских языков, как правило, будут картографироваться говоры всех территорий, на которых они распространены.

8. Известно, что славянские языки в своем географическом распространении в настоящее время не образуют сплошной территории. Однако общеславянский лингвистический атлас должен, видимо, охватить сплошную территорию, в том числе и некоторые территории, на которых живут соседние иноязычные народы, с которыми славяне издавна взаимодействовали, воспринимая одни их языковые черты и передавая им другие (например, румынскую, венгерскую, латышскую и литовскую территории).

9. Даже самое краткое раскрытие проблематики общеславянского лингвистического атласа показывает, что эта работа, будучи работой лингвистической, имеет несомненное и, на наш взгляд, большое значение для историков, археологов и этнографов.

10. Среди предварительных работ, без которых нельзя приступить к созданию общеславянского лингвистического атласа, важнейшей является составление вопросника, от качества которого в значительной мере будет зависеть успех всего дела.

Вопросник должен охватить в той или иной степени все стороны строя славянских языков и диалектов в их соотносительных, различительных элементах — фонологическую систему, флексию, словообразование, словарь, семантику, элементы фразеологии и синтаксического строя. Главное здесь — в умелом отборе черт, существенных в плане генетическом или типологическом. Трудность же такого отбора заключается в своего рода заколдованным круге: только сам атлас, когда он будет создан, покажет, какие различительные элементы строя славянских языков и диалектов являются действительно существенными.

Между тем они должны быть предусмотрены вопросником до составления атласа. Именно поэтому особое значение приобретает коллективный метод составления вопросника с участием специалистов по всем славянским языкам, по сравнительно-исторической грамматике и лексикологии славянских языков, по структурно-типологическому их изучению.

Диалектологическое обследование неславянских языковых территорий (см. тезис 8), по-видимому, будет проводиться по специально выработанным для каждой из таких территорий (например, румынской, венгерской и т. д.) вариантам вопросника. Вопросы в них будут строго соотнесены с соответствующими пунктами основного вопросника (для славянской языковой территории).

11. Существенное значение для общеславянского лингвистического атласа имеет выработка единой системы фонетической транскрипции, без которой трудно, а в ряде случаев и невозможно было бы соотнести материалы по разным славянским языкам. При собирании материала будет применяться фонетическая транскрипция. При обработке материала для картографирования его обобщение в ряде случаев будет применяться также упрощенная морфо-фонематическая транскрипция, цель которой, проходя мимо всего, что в звуковой оболочке слова или словоформы позиционно обусловлено, обозначить состав фонем каждой морфемы слова. Сейчас трудно предусмотреть все случаи, когда эта последняя транскрипция окажется нужной. Она несомненно будет нужна при картографировании, например, явлений морфологии, лексики, т. е. флексий и слов, а также в других случаях, когда окажется нужным показать тожество и различия морфем, отвлекаясь от позиционно обусловленных элементов звуковой оболочки конкретных слов и словоформ, в которых эти морфемы встречены.

12. Общеславянский лингвистический атлас должен охватить языковые явления, не общие для всей славянской языковой территории. Однако эта необщность может быть весьма различной. В одних случаях окажутся противопоставленными обширные компактные территории (при помощи изоглосс могут быть противопоставлены отдельные славянские языковые группы, изоглоссы может пройти внутри одной из славянских языковых групп и противопоставить одни из языков данной группы другим язы-

кам той же группы вместе с языками других славянских групп, изоглосса может пройти и внутри того или иного языка и противопоставить одни из диалектов данного языка другим его диалектам вместе с другими языками — всеми или частью и т. д.). В других случаях окажется пестрота, «чересполосица» — на далеких друг от друга, нередко разноязычных территориях может оказаться распространен один и тот же вариант, а на смежных — разные. Разные изоглоссы дадут разные по своему характеру явления — относящиеся к фонематической системе и морфологическому строю, к составу фонем отдельных слов и формам отдельных слов, к элементам синтаксического строя, к лексике и семантике. Чтобы все это охватить, сетка обследования в общеславянском лингвистическом атласе не должна быть слишком редкой. Но вместе с тем она не должна быть слишком густой, принимая во внимание обширность территории и исключительную трудоемкость работы.

Основным фактором при решении вопроса о густоте сетки является степень диалектной дробности на данной территории, глубина диалектных различий на ней. Известно, что диалектная дробность, глубина диалектных различий неодинакова на разных частях славянской языковой территории: она, например, сравнительно незначительна на севере русской языковой территории и, напротив, очень велика на территории словенского языка. Поэтому для общеславянского лингвистического атласа не может быть принята единая сетка для всей им охватываемой территории. Последняя может быть более редкой при сравнительной незначительности диалектных различий и, напротив, более частой при наличии значительных и глубоких диалектных различий. Однако лингвистический атлас представляет собой работу не только лингвистическую, но и географическую. Поэтому должна быть избрана минимальная сетка, разрежать которую будет считаться недопустимым. В качестве такой сетки предлагается 50 км^2 . При сгущении сетки желательно сохранять кратность 50 , например 25 км^2 или даже 10 (если это окажется нужным). Конечно, на практике от этих общих положений будут отступления, объясняющиеся характером размещения населения на данной территории, например незначительной плотностью населения, иноязычными вкраплениями, отсутствием в данном квадрате населенного пункта, удов-

лективного определенным требованиям (известно, что вновь основанные поселки с населением из разных мест, рабочие поселки при предприятиях, поселки городского типа и т. д. не будут привлекаться в атласе для языкового обследования).

13. Общее руководство всей работой будет принадлежать Международной комиссии общеславянского лингвистического атласа, в состав которой войдет небольшое количество (3—5) лингвистов от каждой славянской страны, а также некоторых неславянских стран, принимающих участие в работе (Венгрия, Румыния, ГДР). Непосредственное руководство работой в пределах каждой отдельной страны будет осуществляться национальными комиссиями общеславянского лингвистического атласа.

Советская комиссия общеславянского лингвистического атласа уже организована и начала свою деятельность. В работе над общеславянским лингвистическим атласом в Советском Союзе, на наш взгляд, должны принять участие Институт славяноведения и Институт русского языка Академии наук СССР, Институт языкоznания им. Потебни Академии наук УССР, Институт языкоznания им. Я. Коласа Академии наук БССР, а также крупнейшие университеты и пединституты РСФСР, УССР и БССР.

Работа над общеславянским лингвистическим атласом должна быть строго координирована как в пределах каждой отдельной страны, так и между всеми странами, принимающими в ней участие.

14. Международная комиссия общеславянского лингвистического атласа собралась на 1-е заседание сейчас же по окончании работ Международного съезда славистов 12 сентября 1958 г. На этом заседании были распределены между странами первые поручения, намечены общие контуры атласа. Было решено также, что следующее заседание состоится в 1959 г. в Варшаве. На Варшавском совещании по атласу в ноябре 1959 г. была обсуждена проведенная работа и намечены дальнейшие поручения. Следующее совещание состоялось в Будапеште (ГДР) в октябре 1960 г. В результате проведенной работы уже составлены проекты многих разделов вопросника (некоторые разделы параллельно составлены в нескольких странах и в связи с этим в нескольких вариантах), а также проект фонетической транскрипции. Проведена работа по

установлению сетки обследования и нанесению на карты подлежащих обследованию населенных пунктов.

Всю эту работу предполагается обсудить в 1961 г. на заседании комиссии общеславянского лингвистического атласа в Москве или Праге.

15. Вопросник и вся остальная документация общеславянского лингвистического атласа по их утверждению Международной комиссией атласа должны быть изготовлены и изданы на нескольких славянских языках для пользования ими в отдельных странах — на русском для СССР, на чешском для Чехословакии, на польском, на болгарском, на сербохорватском для Югославии. По-видимому, должны быть подготовлены особые варианты вопросника также для каждой из неславянских языковых территорий, которые будут охвачены общеславянским лингвистическим атласом.

16. В 1962 г. необходимо провести первые пробные экспедиции для проверки вопросника в работе. Было бы желательно обследовать силами работников Академии наук СССР, академий наук УССР и БССР, а также профессоров и преподавателей вузов 4—6 населенных пунктов на территории РСФСР и по 3—4 нас. пункта на территории УССР и БССР. Пункты эти должны быть на территориях наиболее отличающихся друг от друга диалектов данного языка. Было бы желательно также обследовать по вопроснику общеславянского лингвистического атласа по 1—2 нас. пункта болгарских, чешских и польских на территории СССР.

План пробных экспедиций в других странах должен быть разработан национальными комиссиями атласа соответствующих стран. Общий план пробных экспедиций на всей территории, охватываемой атласом, должен координироваться Международной комиссией общеславянского лингвистического атласа.

17. Вопрос об организации дальнейшей работы, уже не подготовительной, а непосредственно по созданию атласа (проведение массовых экспедиций, методы созиания материала, его обработка, картографирование, а также распределение всей этой работы между отдельными странами и между отдельными организациями в пределах отдельной страны) будет уточнен на последующих заседаниях Международной комиссии общеславянского лингвистического атласа, а в пределах нашей страны — на заседа-

ниях Советской комиссии общеславянского лингвистического атласа.

Примечание: В докладе будут представлены для обсуждения конкретные данные по вопроснику, транскрипции, сетке обследования и другим затронутым в тезисах вопросам.

O. N. Трубачев

ЗАДАЧИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1) Намечающаяся за последние годы активизация этимологических исследований знаменует собой преодоление некоторого застоя в этой отрасли славянского языкоznания. Различные виды этих исследований, а также методы самого этимологического исследования, выдержав успешно испытание временем, результативно применяются в лучших работах нового периода. В условиях подъема, а также постоянного обновления и совершенствования форм исследования едва ли уместно говорить сейчас о сохранении в этимологии кризиса (во многих отношениях минимого и применительно, например, к довоенному периоду в этимологических исследованиях).

2) Вместе с тем задачи, стоящие в настоящий момент перед этимологами и ожидающиеся своего разрешения, весьма многообразны и сложны. Апробация основного инвентаря исследовательских приемов и магистрального направления этимологических исследований не исключает пересмотра конкретных форм работы и задач в порядке их очередности и важности, напротив, она вполне совместима с существенными корректировками соответственно опыту, накопленному в данной отрасли науки.

3) Этимологические исследования, в том числе славянских языков, могут принимать, как известно, весьма различную форму со всей присущей ей в каждом случае спецификой и преимуществами. Это составление этимологических словарей, этимологические исследования определенных групп лексики и монографическое исследование по этимологии отдельного слова.

4) Можно считать окончательно решенным вопрос о самостоятельности этимологического словаря языка (языков) как важнейшей формы этимологического исследова-

ния. Самостоятельность такого словаря среди прочих видов этимологических работ оправдывает такую существенную внешнюю черту структуры, как алфавитное расположение материала (всякое иное будет означать излишнее семантическое усложнение и ненужное вторжение в специфику характеризуемых ниже самостоятельных исследований групп лексики). Этимологическая лексикография вступила в полосу зрелости, когда подходит к этимологическому словарю с меркой словаря нормативного типа (литературного языка) можно только без знания существа дела. Думается, что это единственно правильный ответ на опасения по поводу включения в этимологический словарь нелитературных, просторечных, непристойных, диалектных слов. Объем этимологического словаря — это лексика данного языка в полном объеме, точно так же, как задача этимологического словаря — отражение состояния этого исследования данного языка. Совершенно ясно, что эти актуальные (хотя еще в некотором роде идеальные) установки относятся в первую очередь к этимологическому словарю одного данного языка. Вместе с тем это означает первоочередную актуальность именно этимологического словаря отдельного языка. Этимологические своды типа общеславянского этимологического словаря, сохраняя по-прежнему свою актуальность в принципе, гарантируют на данном этапе результативность и эффективность лишь в малой степени, в чем убеждает весь ход развития словарной формы этимологических исследований славянских языков. Таким образом, составление этимологических словарей каждого отдельного славянского языка приобретает на данном этапе исключительное значение, причем не только в плане развития этой формы этимологических исследований. Такие языки, не имеющие еще подобных словарей, как белорусский и украинский, нуждаются в них в первую очередь. Наличие наряду с этим уже сейчас капитального русского этимологического словаря М. Фасмера не снимает с составителей двух других восточнославянских этимологических словарей обязанности давать в полном объеме этимологический анализ и сравнительный материал и уж, конечно, не делает названные словари менее необходимыми. Напротив, всесторонне оснащенный и построенный в соответствии со своей собственной спецификой, этимологический словарь белорусского или украинского языка способен дать нам ответы

на многие вопросы, сделать наши представления о временной и пространственной истории слов более конкретными.

5) Вполне оправдала себя и процветает в настоящий момент такая полезная форма этимологической работы, как исследование истории и этимологии групп лексики. Наличие взаимосвязи между словами, образующими смысловые группы лексики, своеобразного равновесия внутри этих групп оправдывает такую форму с точки зрения лингвистической лексикологии, общность культурного фона (в ряде случаев) служит довольно убедительным оправданием с точки зрения реалий, все вместе обеспечивает возможность многостепенного контроля результатов исследования и приносит этимологии максимальную достоверность решений. Конкретные задачи здесь тоже разнообразны. Различные группы слов предполагают различные рамки исследования в зависимости от характера групп с точки зрения их состава, культурного фона, а также хронологии оформления. Если изучение одних групп целесообразно проводить в полном объеме славянского материала (названия родства, цветов, древних предметов хозяйственной деятельности, металлов, злаков), то в ряде случаев перевешивает целесообразность изучения словарных групп, ограниченных в основном отдельными языками, что логически вытекает из хронологически более позднего оформления соответствующих групп. Это наглядно показал удачный опыт исследования этимологии русских наименований обуви. Постановка вопроса одновременно о названиях обуви во всех славянских языках менее выгодна в силу дисперсности материала, в своем большинстве позднего по происхождению. Сказанное не означает одновременного сужения сравнительной базы этимологического исследования, которая всегда должна быть максимальной.

6) Последний вопрос непосредственно подводит нас к характеристике третьей формы работы — монографического исследования по этимологии отдельного слова. Важность этой формы, основной элементарной ячейки этимологического исследования, совершенно очевидна. Она является основным конструирующим элементом двух выше-названных. Именно здесь получают осуществление принципы этимологического исследования. Говоря о последних, следует акцентировать, может быть, настойчивее, чем это обычно делалось прежде, необходимость дифференцирован-

ного их применения. Это опять-таки логически следует из самой природы слов и их оформления и употребления. Дифференцированное применение принципов этимологического исследования предполагает постоянный учет различной степени обобщенности вскрываемых в слове фонетико-морфологических изменений. Это важно иметь в виду, поскольку неоправданное обобщение более или менее узко локализованных процессов ведет к ошибочной этимологии. Наибольшую степень обобщенности обнаруживают, по-видимому, кардинальные фонетические изменения соответствия, максимально свободные от семантической нагрузки. Другая противоположность им — семасиологические изменения и соответствия — обладает в связи с этим наименьшей степенью обобщенности, поэтому важные сами по себе для этимологии семасиологические наблюдения тем надежнее, чем они конкретнее. Из формальных изменений и соответствий приближаются к семасиологическим по степени обобщенности, по-видимому, те, которые несут большую семантическую нагрузку. Это означает необходимость максимально конкретного, зачастую индивидуального этимологического анализа экспрессивных слов и вместе с тем — ошибочность произвольного обобщения наблюдавшихся конкретных случаев на неограниченное число других (таков принципиальный недостаток работ ряда чехословакских и других этимологов). Вместе с тем разумное выявление конкретных изменений, заряженных значительной дозой экспрессии, может быть весьма плодотворным как раз при этимологизировании слов ограниченного и, возможно, позднего происхождения. Так, нашупав тесные связи названия *клячи* — укр. *шкапа* и некоторых близких западнославянских форм с глаголом *скопить*, *оскоплять*, способным, вероятно, давать производные со значением «неповоротливое животное», этимолог вправе расценивать изменение с *в ш* и некоторые другие как локальное выражение экспрессивности и не более. Учет специфики всего комплекса изменений и соответствий может явиться залогом правильности принципов этимологического исследования и обеспечить объективную ценность результатов исследования.

B. N. Топоров

**К ПРОБЛЕМЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

(положение дел, задачи)

Целесообразные аспекты балто-славянской проблемы, взятой в лингвистическом плане, гораздо разнороднее и многочисленнее, чем принято обычно думать. К сожалению, до сих пор остается наиболее влиятельной тенденция свести многообразие подходов к названной проблеме к одному вопросу — существовало ли в прошлом балто-славянское языковое единство (соответственно — «праязык», «общность», «языковой союз» и т. п. в зависимости от исходных методологических основ и внимательности к терминологическим вопросам, присущих разным авторам).

Разумеется, вопрос об отношении древнейших балтийских и славянских диалектов друг к другу был и, пожалуй, остается центральным, начиная с работ Шлейхера до нашего времени. Сомнения относятся не к самому этому вопросу как таковому, а к тому виду, в котором он сформулирован, и к оценке возможных при его решении результатов. Основные недостатки современной постановки вопроса о древнейших языковых балто-славянских связях заключаются в органической невозможности хронологического решения проблемы, в отсутствии сколько-нибудь строгих критерииов оценки тех или иных фактов, относящихся к предполагаемой балто-славянской общности, и, наконец, в излишней конкретности, с которой описывается эта общность. Прогресс в этой области зависит прежде всего от умения правильно сформулировать вопросы, при ответе на которые проблема может считаться решенной. По нашему мнению, эти вопросы должны быть сформулированы таким образом, чтобы они имели в виду не конкретные праславянские или общебалтийские диалекты (задача все равно недостижимая), а лишь их модели, понимаемые как условное

выражение функциональной зависимости этих построений от конкретно засвидетельствованных исторических данных, относящихся к балтийским и славянским языкам. Только в таком случае исследование древнейших балто-славянских языковых отношений оказывается «операционным», а сам аспект проблемы — существенно измененным (исследование отношений между моделями). При подобном подходе неминуемый проигрыш в конкретности полученной картины возмещается большей ее строгостью и доказательностью. Помимо этого, такой метод исследования выводит балто-славянскую проблему из опасной изоляции от общей картины отношений между индоевропейскими диалектами. Наконец, тот путь, которым достигается построение древнейших балтийской и славянской моделей (последовательное снятие относительно поздних слоев и углубление в прошлое с помощью приемов внутренней реконструкции), обеспечивает максимально возможную непротиворечивость хронологической картины, поскольку речь идет о временном соотношении моделей в целом, а не об относительной хронологии отдельных фактов. Несомненно, что интересы исследователей, работающих в области изучения древнейших балто-славянских языковых отношений не могут ограничиться исключительно тем подходом, о котором говорилось до сих пор. В связи с этим представляется необходимым вести исследование и в тех направлениях, где полученные результаты помогают конкретизировать общую картину. В первую очередь здесь имеется в виду серия работ, цель которых дать реальную (пространственную и временную) интерпретацию отношений, существующих между древнейшими моделями балтийских и славянских языков. Всевозможные аспекты этой интерпретации сейчас учесть трудно и, может быть, едва ли целесообразно. Для начала лучше, видимо, ограничиться несколькими вопросами, которые сулят при современном состоянии дел наибольшие перспективы. Прежде всего речь должна идти об особенностях диалектного дробления балтийской языковой области и о преимущественных связях отдельных диалектных ареалов между собой и с другими индоевропейскими областями. В этом отношении представляет существенный интерес выявление характера балтийских диалектов, некогда охватывающих территорию северной Белоруссии, Литвы и отчасти Латвии с запада, юга и востока. Наличие такого внешнебалтийского диалектного

пояса позволяет, видимо, объяснить отсутствие переходных восточнобалтийско-славянских говоров и известную четкость границы между литовско-латышскими и восточнославянскими говорами. С другой стороны, изучение балтийских диалектов ныне исчезнувшего внешнего пояса обещает важные результаты для решения — весьма вероятного — вопроса о происхождении общеславянского языка из периферийных диалектов балтийского типа.

К сожалению, наши сведения об этих периферийных балтийских диалектах крайне скучны, хотя то, что мы знаем о прусских или ятвяжских говорах, по-видимому, подтверждает мысль, что из всех известных балтийских диалектов именно они ближе всего к славянским языкам, причем эта близость производит впечатление первоначальной. В связи с этим необходимы дальнейшие усилия в изучении балтийских диалектов прусско-ятвяжского типа и тех балтийских говоров, которые существовали некогда на русских и белорусских территориях, ограниченных Припятью с юга, Сеймом с юго-востока, притоками Оки в пределах Тульской, Калужской и Московской областей на востоке, правыми притоками верхней Волги и бассейном Зап. Двины на северо-востоке. Основные источники наших сведений в этой области сводятся к гидронимическим и топонимическим фактам. Их число для русских территорий может быть увеличено, вероятно, в несколько раз по сравнению с имеющимся. Однако составление предельно полного индекса балтийской топонимии и гидронимии русских территорий не исчерпывает возможных и необходимых задач. Не менее нужной оказывается задача гидронимической стратиграфии этого района с учетом замкнутых групп, с одной стороны, и общих гидронимических изоглосс, с другой (ср. ареалы следов балт. *ip̥e/are* «река» и-*da* из **ida* «вода»; сферы распространения суффиксов -*va* из -*uu* *a*; -*esa/-asa*, -*sa*; -*ga*, -*tla*, -*eta* и др.). На материале подобного рода можно, видимо, уже в ближайшее время — пусть в общих чертах — поставить вопрос о реконструкции некоторых существенных черт фонетики, словообразования и лексики, свойственных балтийским диалектам этих территорий. Несомненно, что исследования в области балтийских лексических заимствований в русской диалектной лексике дополнят и конкретизируют общую картину. Хотя такая работа, по существу, не проводилась, в нашем распоряже-

нии уже имеется несколько десятков достоверных примеров такого рода, относящихся к обозначению частей ландшафта, хозяйственных сооружений, утвари, посуды, различных видов пищи, к экспрессивной лексике и даже к демонологии. Собрание и изучение подобных фактов было бы в равной степени поучительно для исследования вымерших балтийских диалектов и для определения балтийского вклада в восточнославянские говоры, включая, может быть, вопрос о генезисе южновеликорусских и белорусских диалектов с их аканьем. Более того, на основании этого материала можно было бы поставить тот же вопрос в плане изучения общих мотивов в фольклоре и в религиозных представлениях (прежде всего — в демонологии). Вокруг решения этих задач было бы целесообразно объединение усилий диалектологов, специалистов в области топонимии, этнографии, фольклористов, краеведов. При правильном выборе объекта исследования или собирания мог бы оказаться полезным труд работников не только разных специальностей, но и разной научной квалификации. Пожалуй, из всех аспектов балто-славянской проблемы именно этот представляется наиболее целесообразным у нас для довольно широкого круга научных работников. Однако, работая в этом направлении, следует помнить, что в центре внимания становится проблема балто-славянского симбиоза и двуязычия (по крайней мере, для первоначально балтоязычного населения русских территорий) в относительно позднее время — 1—начало 2-го тысячелетия нашей эры. Характер складывавшихся здесь отношений и детали процесса усвоения балтийских элементов и их «славянизации», важные сами по себе, имеют лишь косвенную связь с вопросом о древнейшем соотношении балтийских и славянских языков. Видимо, несколько большую связь с этим вопросом имело бы детальное изучение гидронимии Сувалкии, Великопольши, Куявского края, Вармии, а отчасти — в связи с поисками балтийских следов к западу от устья Вислы — и Коцевья и Хелминско-Добжинского края. Однако, разумеется, вести исследование в этой области должны прежде всего польские ученые. Очерченный выше круг вопросов ставит своей целью выявить диалектную дифференциацию балтийской области. С другой стороны, первостепенное значение для реальной интерпретации балто-славянских связей древнейше-

го времени имеет изучение типично балтийских изоглосс за пределами областей, для которых можно предполагать балтийское население. Здесь в первую очередь следует иметь в виду чрезвычайно важный вопрос о связи балтийской гидронимии с центрально-европейской на фоне более изолированной славянской гидронимии. Суживая исследования в этой области, следовало бы прежде всего обратить внимание на тот бесспорный гидронимический континуум, который связывает балтийские территории с Паннонией, Балканами и Адриатикой. Значение этого факта тем больше, что он подкрепляется некоторыми поразительными совпадениями между балтийскими языками и древними диалектами перечисленных территорий к югу в фонетике, морфологии и особенно лексике. Отдельные следы общих переживаний из области мифологии не менее поучительны. Пространственно-временная интерпретация соотношения древнейших балтийской и славянской моделей была бы существенным образом облегчена при исследовании картины диалектного дробления славянской территории в ее древнейшем виде. В частности, некоторые важные лексические (реже — фонетические) совпадения между поморскими говорами и южнославянскими языками, с одной стороны, и последними и балтийскими языками в целом, с другой, внушают мысль, отвергавшуюся раньше с порога, о разной степени близости отдельных славянских диалектов к балтийским. Если исследования подтверждают эту мысль, то откроется перспектива картины, изображающей относительно конкретно континуум балтийских и «балтообразных» диалектов, постепенно переходящих в славянские. Такой ход развития балтийских диалектов и возникновения славянских хорошо согласовывался бы с отмеченной непрерывностью балто-балканского гидронимического пояса, с наличием уникальных лексических изоглосс (ср. лит. *daina* — рум. *doină* «песня», лтш. *koks* — рум. *corac* «дерево», балт. *Lauta*, *Lautē* — венет. *Louzera* и др.). Помимо работ, которые связаны с изучением отношения друг к другу древнейших балтийских и славянских диалектов, с интерпретацией их и с процессом более позднего симбиоза балтийских и славянских племен, бесспорный интерес представляют исследования любого конкретного вопроса из области фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики, топономастики, построенные на использовании балтийских

и славянских данных. Значение таких исследований не только в том, что они, в конечном счете, доставляют материал для построения абстрактных моделей древнейших балтийских и славянских диалектов, но и в наглядности реконструкции отдельных фрагментов, из истории балто-славянских языковых отношений. Такого рода работы не могут претендовать на решение балто-славянской проблемы в целом, зато только с их помощью возможно увеличение наших знаний и отбор тех отношений, которые, собственно говоря, и составляют древнейшие модели. Всякая инициатива в этой области, особенно со стороны специалистов по балтийскому языкознанию, была бы весьма желательной, поскольку чаще всего исследователь испытывает недостаток именно в балтийских фактах. Естественно, что далеко не все из этих фактов могут быть собраны и исследованы в ближайшее время; нужно думать, что работу целесообразнее начинать с относительно простых заданий (например, сбор балтийской гидронимии). Еще один существенный аспект балто-славянской проблемы достоин пристального внимания лингвистов — изучение довольно значительной области на стыке балтийского и славянского миров, в которой проявляются черты, характерные для «языкового союза». Составление особого лингвистического атласа для этих территорий или же расширение общеславянского атласа за счет картографирования ряда явлений, продолжающихся и на балтийской территории, оказалось бы серьезную помощь в решении этой проблемы, в которой интересы специалистов по балтийскому и славянскому языкознанию ближе всего сходятся с интересами лингвиста, занимающегося общетеоретическими вопросами, в частности, проблемой лингвистической интерференции.

*М. И. Бурлакова, Т. М. Николаева,
Д. М. Сегал, В. Н. Топоров*

ВОПРОСЫ СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1) В настоящее время структурно-типологическое изучение языков выдвигается на первый план лингвистического исследования. Это связано, во-первых, с общим направлением развития современного теоретического языкознания, в частности, с задачей создания универсальной грамматики. Во-вторых, структурно-типологические исследования необходимы для нужд прикладного языкознания. В-третьих, развитие структурно-типологических исследований переплетается с наметившейся в сравнительно-историческом языкознании тенденцией к преобразованию сравнительно-исторической грамматики традиционного типа в сравнительную типологию родственных языков. Несмотря на то, что еще И. А. Бодуэн де Куртене указывал на необходимость создания подобных исследований, все предпринимавшиеся до сих пор попытки в этом направлении в целом нельзя считать удачными, так как все такие исследования основывались на различных принципах языкового описания. Можно утверждать, что подлинно научная типология языков будет создана лишь благодаря единому строгому подходу. Такой подход предлагает структурная лингвистика.

2) В этом плане первоочередной задачей является построение инвариантных моделей всех славянских языков, которые лягут в основу будущей структурной типологии славянских языков. В настоящее время наиболее реальным в этом плане являются отдельные исследования, посвященные созданию таких моделей. Учитывая ряд соображений как методического, так и теоретического характера, представляется целесообразным начать исследования с русского языка. Исчерпывающее структурное

описание русского языка может явиться основой для аналогичных описаний других славянских языков. На первом этапе полезным явится синхронное описание современного состояния языка, быть может, даже его сознательно ограниченной разновидности.

На первых порах исследования разумно ограничиться установлением фонологических моделей исследуемых языков, практической реализацией этих моделей в тексте (особенности дистрибуции фонем в слоге). Одним из возможных и плодотворных подходов к описанию языка может явиться построение вероятностных моделей на различных уровнях языковой системы. Поскольку статистические исследования связаны с применением новейшей аппаратуры, следует создать единый центр статистического обследования различных знаковых систем, подобно аналогичным центрам, созданным в последнее время в других странах. Это несомненно необходимо для решения проблем семиотики в целом.

3) Хотя, как было сказано выше, на первых порах более целесообразны структурные описания современного языкового состояния, уже сейчас ясна необходимость разработки теоретических и практических предпосылок для изучения основных типов преобразований одной структуры в другую в диахроническом плане. Некоторые пути к созданию структурной диахронии могут быть намечены в результате структурного изучения диалектов.

С. К. Шаумян

ЗАДАЧИ СТРУКТУРНОЙ ТИПОЛОГИИ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Структурная типология языков, как и всякая другая научная дисциплина, имеет своей целью свести все многообразие сложных элементов и отношений к ограниченному числу фундаментальных элементов и отношений. Дело идет о построении системы базисных элементов и отношений, из которых могут быть выведены все остальные сложные элементы и отношения, которые встречаются в разнообразных родственных и неродственных языках. Данная система базисных элементов и отношений есть аналог системы первичных понятий и аксиом в математике.

Опираясь на систему базисных элементов и отношений, структурная типология языков должна разработать алгоритмы, позволяющие точно фиксировать переходы от структуры одного языка к структуре другого языка. В связи с этим в задачу структурной типологии входит построение абстрактного кода, служащего инвариантом по отношению к кодам отдельных языков.

2. Следует различать двоякого рода структурную типологию языков: универсальную типологию и генетическую типологию.

Универсальная типология ставит своей задачей типологическое сравнение всех языков мира и сведение всего многообразия сложных структур конкретных языков к первичной абстрактной структуре. Генетическая типология имеет дело только с родственными языками. Опираясь на универсальную типологию, генетическая типология ставит перед собой двойкую задачу:

1) построение абстрактного кода, служащего синхроническим инвариантом сравниваемых родственных языков на данном этапе их развития,

2) сопоставление данного абстрактного кода с соответствующим пражзыком изучаемой группы родственных языков. В результате решения этой двойкой задачи должна выясниться система базисных элементов и отношений, составляющая типологический фундамент данной группы родственных языков на всем протяжении их истории.

Структурная генетическая типология — связующее звено между универсальной структурной типологией языков и классическим сравнительно-историческим языкознанием.

Опираясь на результаты, добытые классическим сравнительно-историческим языкознанием, структурная генетическая типология вместе с тем вводит эти результаты в общую систему идей универсальной структурной типологии и структурной лингвистики как абстрактной теории языка. Одновременно и классическое сравнительно-историческое языкознание вследствие контакта с генетической и универсальной структурной типологией, обогащаясь новыми идеями, получает важные стимулы для своего развития в новых перспективных направлениях.

3. Структурная типология славянских языков, как одна из областей типологического изучения развития языков, должна опираться на универсальную структурную типологию языков.

В настоящее время уже существует ряд серьезных исследований в области структурной типологии славянских языков, однако структурная типология славянских языков как систематическая научная дисциплина до сих пор еще не построена.

Основная трудность на пути к построению структурной типологии славянских языков как систематической научной дисциплины заключается в том, что универсальная типология, на которую должна опираться типология славянских языков, до сих пор не имеет ясной и прочной методологической базы. Для преодоления этой трудности необходимо прежде всего заняться проблемой определения базисной системы, из которой могут быть выведены все многообразные структуры конкретных языков мира.

4. На наш взгляд, в основе универсальной структурной типологии должен лежать следующий закон: грамматические и фонологические классы есть трансформации базисных дистрибутивных параметров, которые для всех языков одинаковы.

Из этого закона следует, что универсальная структурная типология должна прежде всего исследовать основные дистрибутивные параметры, одинаковые для всех языков мира, и дать их точную характеристику. В связи с этим в центре внимания универсальной структурной типологии языков должны быть две единицы: предложение и слог.

Необходимо установить базисные типы структур предложения и слога, из которых могут быть выведены все многообразные типы структур предложения и слога и грамматических и фонологических классов во всех языках мира.

5. Если признать правильность только что указанного типологического закона, то отсюда следует, что построение структурной типологии славянских языков как систематической научной дисциплины должно начаться с тщательного анализа структур предложения и слога во всех славянских языках с целью выяснения базисных моделей этих единиц. Необходимо показать трансформацию этих базисных моделей во все многообразие конкретных структур предложения и слога в славянских языках.

В соответствии с указанной выше двойкой задачей всякой генетической типологии работа должна состоять из двух этапов: 1) синхроническое исследование структур предложения и слога в современных славянских языках и 2) сопоставление полученных инвариантов и базисных моделей с инвариантными и базисными моделями праславянского языка.

В исследовании структуры предложения и структуры слога в славянских языках должны применяться прежде всего два основных метода современной структурной лингвистики:

дистрибутивный анализ по непосредственно составляющим и трансформационный анализ. В связи с этими основными методами структурной лингвистики должны применяться и математические методы исследования.

Опираясь на типологическое исследование структуры предложения и слога в славянских языках, можно будет перейти к исследованию грамматических и фонологических классов в этих языках. Здесь прежде всего интересно заняться системой падежей и системой фонем путем разложения их на дифференциальные элементы.

6. Таким образом, в качестве программы работ по структурной типологии славянских языков на ближайшие годы можно сформулировать следующие основные темы:

1) Структурная типология предложения в славянских языках на базе дистрибутивной модели непосредственно составляющих и трансформационной модели.

2) Структурная типология слога в славянских языках.

3) Структурная типология падежей в славянских языках в связи с анализом дистрибутивных параметров и дифференциальных элементов падежей.

4) Структурная типология дифференциальных элементов фонем в славянских языках в связи с анализом дистрибутивных параметров фонем в составе слога.

Систематическая разработка проблем структурной типологии славянских языков ввиду фундаментальной важности этой научной дисциплины на современном этапе развития славянского языкознания должна вестись во всех славистических центрах Советского Союза. В связи с этим существенное значение будет иметь координация исследований в области структурной типологии славянских языков. В понятие координации входит общее планирование исследований в различных научных центрах с таким расчетом, чтобы обеспечить надлежащий выбор проблем и тем исследования, чтобы в совокупности они образовали гармоническое целое, охватывающее узловые пункты данной науки; вместе с тем координация предполагает систематический обмен информацией между различными научными центрами, что должно содействовать более эффективному проведению соответствующих исследований.

При выборе проблем и тем для исследований необходимо считаться с реальными возможностями тех или иных научных учреждений. Следует иметь в виду, что не везде есть достаточное количество кадров исследователей, занимающихся структурной типологией славянских языков. Нужно уделить большое внимание подготовке молодых ученых в этой области, как и вообще в области структурной лингвистики, на что специально указано в одном из пунктов постановления Президиума АН СССР «О развитии структурных и математических методов исследования» от 6 мая 1960 г.

Помимо координации, важное значение может иметь сотрудничество между различными славистическими центрами. Сотрудничество возможно по разным линиям.

Прежде всего целесообразно наметить некоторое количество коллективных работ по темам структурной типологии славянских языков. Далее, важен обмен специалистами. Предполагается, что тот или иной специалист переезжает в соответствующий научный центр на определенный промежуток времени (месяц—два, а в иных случаях на более длительные сроки) для чтения докладов и лекций и совместной работы с учеными данного научного центра. Эта форма сотрудничества будет полезна также и для подготовки молодых специалистов, желающих овладеть методами структурной лингвистики.

inislav